

РОВЕСНИК

6

1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Июнь, 1979 год, № 6*

ИСТОРИЯ АНТИВЬЕТНАМСКОЙ ПОЛИТИКИ МАОИСТОВ и другие материалы под рубрикой «Урок у карты» Юго-Восточной Азии

На первой странице обложки: ни одна революция, ни одно выступление народа против своих врагов не обходится без таких героев, как этот никарагуанский мальчишка — боец всенародного сопротивления диктаторскому режиму Сомосы.

Главный редактор **А. А. НОДИЯ**

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, В. М. БУДАРИН, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, О. А. ГОРЧАКОВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), А. М. ЛЕВИН, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Г. И. Лещинская

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 16.04.79. Подп. к печ. 18.05.79. А03587. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 180 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 642.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

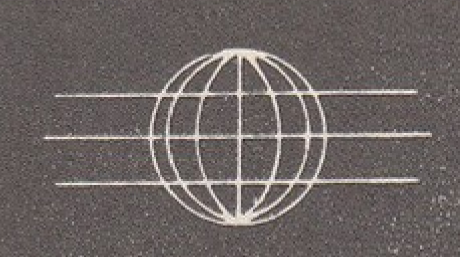
ЛОНДОН. Ассоциация родителей района Ноттинг Хилл подала в суд на международную монополию «Форд мотор компани» за отравление земли, воды и воздуха ядовитыми веществами — отходами производства. В заявлении подчеркивается, что особенно часты случаи заболеваний среди детей до трех лет, поскольку их организм еще не способен бороться с ядовитыми веществами, которые находятся в воде и воздухе. В районе, где расположены заводы компании, загрязненность воздуха на 10 процентов выше, чем допускается санитарными нормами. Если компания не поставит фильтры, препятствующие проникновению ядовитых веществ в окружающую среду, 20 тысяч детей будут под постоянной угрозой неизлечимых заболеваний почек, двигательных центров и центров памяти.

САНТЬЯГО. Более половины чилийцев, получивших дипломы врача в 1978 году, до сих пор не нашли работы. Режим Пиночета со времени военного переворота в 1973 году сократил расходы на медицинское обслуживание почти на сорок процентов. Безработные медики решили создать комитет по борьбе с дальнейшими сокращениями бюджета на нужды здравоохранения.

КОПЕНГАГЕН. Здесь состоялся митинг солидарности с народом Вьетнама, ставшим жертвой агрессивной политики пекинских лидеров. В столицу Дании собрались представители молодежных организаций из 32 стран. Митинг был организован Всемирной федерацией демократической молодежи, Международным союзом студентов, Коммунистическим союзом молодежи Дании и другими молодежными организациями страны. Солидарность со свободолюбивым народом Вьетнама выразили прогрессивные организации и во многих других странах.

На снимках (слева направо): Эссен, ФРГ, демонстрация протеста против авантюристической политики Пекина; Лондон, члены ассоциации британско-вьетнамской дружбы на митинге солидарности с героическим народом СРВ; Дели, молодые индийцы собрались перед зданием китайского посольства с требованием: «Руки прочь от Вьетнама!»

ГАВАНА. Здесь состоялся I съезд Федерации университетских студентов. В его работе приняли участие 500 посланцев студенчества страны, представители молодежных организаций многих стран мира. На торжественном закрытии съезда выступил Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Государственного совета и Совета Министров Фидель Кастро; он подчеркнул, что первостепенный долг молодежи — овладевать знаниями, беззаветно служить родине, вместе со всем народом активно строить новое общество. В настоящее время на Кубе в средних учебных заведениях занимается 1 миллион человек, число студентов вузов после победы революции выросло в 10 раз и составляет сейчас 145 тысяч. На рабоче-крестьянских факультетах совершенствуют знания 60 тысяч молодых тружеников.

СЕУЛ. Как сообщает корреспондент американского профсоюзного издания «Лэйбор юнити», эксплуатация работниц текстильных и швейных фабрик в Южной Корее противоречит всем международным законам. На швейных фабриках в Сеуле работают в основном девочки 14—15 лет. С 8 утра до 10 вечера они сидят за швейной машинкой семь дней в неделю, их заработка — 30 долларов в месяц — едва хватает на пропитание. Многие из них ночуют прямо в мастерской на полу. Производственный травматизм, глазные болезни, туберкулез, анемия, бронхит превращают многих из них в инвалидов. Эксплуатации подростков в швейной и текстильной промышленности сопутствует высокий уровень безработицы среди взрослых рабочих.

НЬЮ-ЙОРК. Молодые безработные в 15 крупнейших городах США провели демонстрации протеста против социальной политики правительства. Они требовали создать рабочие места для трех миллионов американцев моложе 25 лет; организовать курсы для получения профессий; прекратить дискриминацию в оплате труда молодых; обратить особое внимание на трудоустройство представителей негритянского населения, среди которого уровень безработицы в отдельных районах в 10 раз выше, чем среди белых. Демонстранты несли лозунги с требованием сократить военный бюджет, использовать освободившиеся таким путем средства на социальные нужды беднейших слоев населения.

БУДАПЕШТ. Во всех цехах «Красного Чепеля» прошли комсомольские собрания, посвященные награждению комбината орденом Октябрьской Революции. Эта награда Советского правительства передовому предприятию Венгрии была приурочена к 60-летию Венгерской советской республики. В канун знаменательной даты четырехтысячный отряд чепельских комсомольцев пополнился новыми членами ВКСМ.

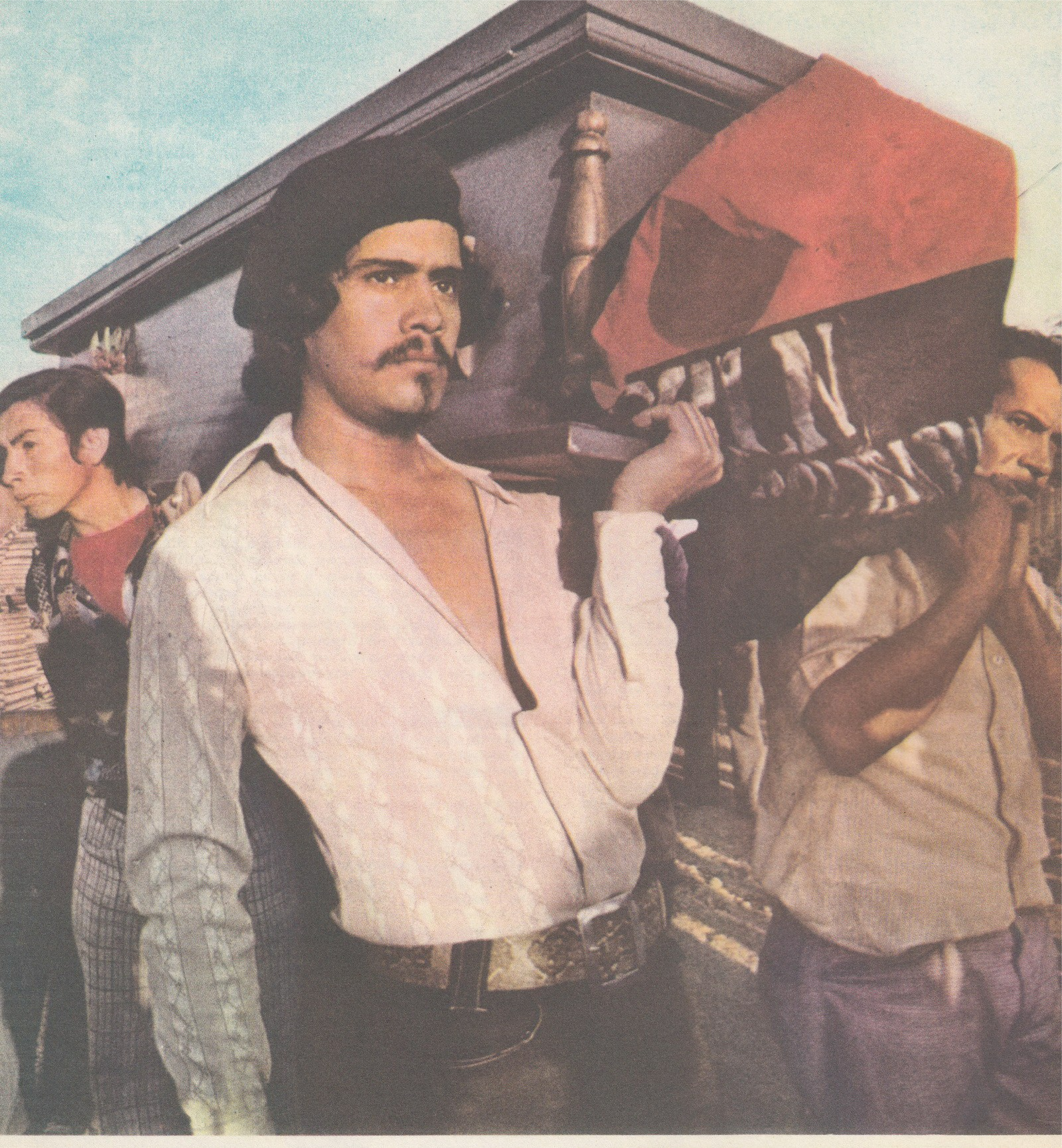
ДАР-ЭС-САЛАМ. Правительство Объединенной Республики Танзания особую заботу проявляет о подготовке национальных кадров, образовании подрастающего поколения. Только в Дар-эс-Саламе за последние годы построены десятки школ, колледж, национальная библиотека, спортивные сооружения. Университет, один из крупнейших на Африканском континенте, готовит специалистов для горнодобывающей, химической, текстильной и других отраслей промышленности; большое внимание уделяется подготовке специалистов для работы в сельском хозяйстве и народном просвещении.

СТОКГОЛЬМ. Завершил работу съезд Коммунистического союза молодежи Швеции (КСМШ). Его делегаты приняли программу и устав союза, обсудили вопросы борьбы с безработицей среди молодежи. Съезд единогласно принял заявление, в котором решительно осуждается гегемонистская политика пекинских лидеров по отношению к социалистическому Вьетнаму. «Руки прочь от Вьетнама!» — потребовали от имени шведских комсомольцев делегаты съезда.

ХАНОЙ. Со всех районов страны добровольцы Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина приехали в Лонгшон и другие приграничные города республики, чтобы помочь как можно быстрее ликвидировать последствия китайской авантюры. Повсюду видны яркие плакаты, на них написано: «Мы выражаем благодарность Советскому Союзу, другим социалистическим и дружественным странам, международным организациям, народам всего мира за их огромную и эффективную поддержку». В освобожденных от агрессоров районах ведутся работы по налаживанию мирной жизни.

«На улицах теперь народ мой пишет кровью
Поэму новую, которая рождается
В глазах сирот.
Рука, открытая ладонью к людям-братьям,
В кулак должна сомкнуться против диктатуры.
Диктаторы хотят прикончить нашу песню,
Пропахшую землей, крестьянским потом.
Они хотят покончить с нашей правдой, с солнцем,
С объятьем и поцелуем, которые придут
неотвратимо.
Идем, бери свой автомат или гитару!»

смотрите: НИКАРАГУА

Это слова из песни никарагуанского поэта, композитора, певца Луиса Энрике Мехиа Годоя. О Никарагуа и никарагуанском певце читайте на странице 30.

ПЕРВОГО ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

ОТЛИЧНЫЕ ЛЮДИ ИЗ ДЕТСТВА

(В ИНТЕРДОМЕ В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ)

Александр ШУМСКИЙ,
наш спец. корр.
Фото Г. МАЛАХОВА

Строевые сосны—мачты с шоколадными стволами над Россией держат небо изумительных цветов...

А дети кричали от страха, когда над школой пролетали самолеты. В классе плакали не все — только новенькие: из Анголы, Гвинеи-Бисау. Остальные и не замечали. Дети как дети. На перемене чилиец Володя достал рогатку из кармана, и я увидел, что конструкция ее за двадцать лет совсем не изменилась. Рогатка — как велосипед: ее идея вечна. Грек Арис читал «Золотого теленка» (явно начал на уроке, под партой, а сейчас продолжал).

— Спрячь рогатку, Карильё! — крикнул чилийцу Ромка — иранец, сын политэмигранта. Он бежал в живой уголок кормить хомяков и кролика. В рыжие волосы Ромки мартовский ветер играл...

А кролика уже кормил морковью кареглазый грустный грек Ставрос, которого назвали так в честь деда.

«1. Сосет ли медведь лапу в берлоге? Медведь просто спит, причем даже не очень крепко, часто просыпается. А медведица приносит в берлоге медвежат и выкармливает их.

2. Долго ли живут бабочки? Все бабочки живут очень недолго. Основная задача бабочек — отложить яички.

3. Почему иволга может поедать ядовитых гусениц, а другие птицы не могут?»

Вопросы эти и ответы я прочитал в «Лесной газете» на стене живого уголка.

— Кто делал газету? — спросил я.

— Восьмой «А», — сказал семиклассник Ставрос, поправляя кролику уши.

— Ни фига! Восьмой «Б», — сказал Рома. Ему виднее: он председатель секции юннатов.

— Белка с осины прыгнула, руки расставила, как парашют, и летит на меня, — и Рома показал летающую белку, не имеющую отношения к стенной газете.

— Вот самая большая хомячиха, — показал мне Ставрос. — Она мужа загрызла из-за воды. Я вам сначала не хотел говорить. Женщины всегда сильнее, чем мужчины. У хомяков. Я налью им воды?..

Мы ходили кругами по круглому залу с высокими окнами — среди рыбок, цветов и растений.

— Кто отвечает за рыбок? — спросил я.

— Распределено, — ответил строго Рома. — Если большой аквариум, то два человека... Вон канарейка. Видите? Снесла яйца — 12 штук. А самец заболел, и они пропали. И такое бывает.

— У нас здесь скоро ремонт. Пальму, например, камнями обложим. А в той комнате будем размножать животных. А тут будут редкие звери и растения. Короче, зимний сад.

— А в саду клумба, — сказал Ставрос. — И светомузыка. Вечера будем устраивать. И читать доклады про любимых животных...

(Я видел эти доклады. Я их вам позже покажу, а то уже звонок на урок.)

История

В углу стоял великолепный, огромный тульский самовар. Я понял, куда мы попали: в историю. Даже у нашего времени, несмотря ни на что, сохранились свои приметы (хотя в наше время в приметы не верят). На самоварном гладком животе было выписано вязью: «От рабочих Оружейного завода детям 1-го Интернационального дома». И по всей его груди выбиты медали.

Самовар, из которого 46 лет не пьют чай, не должен простаивать без дела в углу КИДа (Клуба интернациональной дружбы). Его можно использовать как машину времени. Очень просто. Вот, к примеру, солнце врезалось в окно, стекло пробило молча и ударилось в грудь самовару. А он, в свою очередь, направил тонкий лучик лазера на фотографии и тексты на стене — и вскрыл пласты истории. Читайте, удивляйтесь, узнавайте.

«Решение о постройке Интернационального детского дома было принято первой областной конференцией МОПРа 24 августа 1929 года — в 14-ю годовщину памяти расстрела ивановских рабочих на Приказном мо-

сту. В 1933 году дом был построен и впервые принял 140 детей из 26 стран, чьи родители погибли от рук палачей реакционных правительств, были брошены в тюрьмы или находились в подполье».

...А далее идут плакаты, которые с годами становятся бесценны. И застывшие лица на снимках непонятно для нас серьезны.

«МОПРовский привет от швейников детям зарубежного пролетариата!»

«Главное теперь в людях, овладевших техникой».

На фото — бритый мальчик с балалайкой. И подпись: «Готовятся кадры для струнного оркестра. Здесь все благоприятствует развитию наклонностей к искусству». На фото — четыре железные кровати, четыре бритых головы, четыре мальчика под серыми одеялами. И подпись: «Окруженные любовью и заботой, дети засыпают». И еще ряд других фотографий: в Сочи, в дендрарии; зимой на коньках, в могучих сатиновых шароварах (теперь таких не делают); и в Ялте, в море по колено; и за машинкой «Зингер», на которой шили

свой первый сарафан первые воспитанники дома. Все это — их счастливое детство.

«Первыми питомцами были Карло Фридман — сын болгарского революционера, повешенного царским правительством; Аркада Стель Роза — дочь известного греческого революционера Зевюса, убитого фашистами; Благой и Леля Касабовы, Лиля и Александр Карастояновы — дети выдающихся болгарских революционеров; Кита Лие — дочь японского революционера».

Игра в «вышибалы» резиновым мячом называлась у них «Смерть капитализму». А бег в мешках? А черепаха в обувной коробке? А фотоальбом «Труд детей на огороде»? Посадка земляники, например. Что может быть прекрасней? А потом ту землянику — с молоком, вечером в столовой, в середине лета... Эх, да что говорить!

В 30-е годы у входа в Интердом стоял, конечно, гипсовый горнист — тоже символ счастливого детства.

...А потом пришла война и оставила от многих фотографии на память — подарила их живым.

Все они были ребята одного поколения, или, как говорят в военкоматах, одного призыва. Георг Николаиди остался на снимке с дрессированным медведем на поводке (погиб в 41-м году). Курт Ремлинг погиб в 41-м году. Эльвира Эйзенштейдер погибла в Германии, в 19 лет. Благой Касабов, болгарин, погиб за Сталинград в 18 лет. Петр Жарский, поляк, — в двадцать. На фотографии он старше — это ясно. Все они старше своих лет на любительских снимках. От Петра осталась в школе яхта — под белым парусом из полотна. Модель, конечно.

Чтение

Хорошист Музафар принес с перемены печенье и положил учительнице на стол, рядом с классным журналом. У Музафара не было родителей, а у многих ребят в его классе были где-то мамы или папы. А у некоторых даже оба. И в журнале второго класса напротив фамилий стояла страна и профессия отца: плотник, механик, шофер, художник, штамповщик, инвалид, врач. Чили, Ангола, Иран, Греция, Эфиопия, Колумбия...

Вошла Галина Константиновна, октябрята встали, она сказала:

— Сейчас будет чтение. Садитесь. Раскройте «Родную речь»... Будем читать вслух рассказ «В новой семье».

Музафар не любил чтение — он любил математику. Но долг хорошиста заставил его надеть очки и открыть учебник. Ресницы у Музафара были длинные, они касались стекол его очков, а когда он моргал, ресницы двигались, напоминая автомобильные щетки на ветровом стекле.

— Начинай, Анжела! — сказала учительница.

— «...Шли через Нечаево беженцы», — прочитала смешная, картавая, смуглая Анжела.

— Бéженцы — правильное ударение. Продолжай... Хорошо. Балчо!

— «...В избе запахло снегом и морозом...»

— «...Мать прежде всех выпустила корову Милку, — прочел Атила. — Такой обычай: выгонять скотину в первый день вербой...»

Он кругло говорил, на «о», как володимирский.

Речь в рассказе Воронковой шла о девочке, которая потеряла на войне родных.

(Чтó этим детям та война с ее сиротами? Рассказ научит их только правильно ставить ударения и пополнит словарный запас, не так ли?)

— «...Сиротинка ты бедная, — вздохнула мать. — Только глаза на свет открыла, а уже сколько горя на тебя навалилось! На такую-то маленькую!..» — читал старательный Музафар.

А Хильберто плакал. Самый старший мальчик в классе. Он сидел на первой парте, и я видел, как вздрагивал его беленький воротничок, который он стирает сам и сушит по ночам на батарее. Он сидел на первой парте, и тактичные дети с соседних рядов и соседних стран делали вид, что не замечают, как плачет самый старший и сильный мальчик их класса.

Год назад он жил в Сантьяго с мамой и тремя сестрами. У них была квартира на четвертом этаже, в старом доме, в центре города. Хильберто не учился — только работал: продавал газеты. Если продать всю пачку, можно заработать 3—4 песо. У него были друзья: Луис, Лучо, Хайми, Мигель и Висто. Они вместе играли в футбол и ходили на стадион, на матчи любимой команды «Ябло верде». Они проходили без билетов и садились на свободные места. Но таких мест было мало, и однажды их поймал полицейский и отвел в участок. Ночь Хильберто с друзьями просидел в тюрьме. А утром их выпустили.

И он шел по городу — гордый и взрослый. Он-то знал, что в тюрьму попадают только хорошие люди: дядя Алексис — доктор, который лечил ему зубы; и дядя Луис — шофер, который катал его в кабине своего грузовика; и отец, который был лучшим отцом во всем Сантьяго...

А теперь и сам Хильберто попал в тюрьму — значит, и он достойный человек. И все было бы нормально, но у мамы в тот день дрожали пальцы, мелко, как под током, и мешали ей работать: она служила в одной маленькой конторе.

...А потом они убили его отца. Что он мог сделать, чтобы спасти его? Он, Хильберто, самый сильный мальчик 2-го класса?

— Умойся быстренько... На рисование пойдешь, — говорила ему учительница в пустом классе. И плакала сама, из шкафа доставая полотенце.

Зоология

Недавно во время урока в стекло ударилась синица. Ее подлечили и выпустили. Где-то она теперь?..

А ребята из Гвинеи-Бисау были дома на каникулах и привезли оттуда кактусы. Девочка из 9-го класса подарила попугаев. А на 8 Марта учительнице биологии Зое Ивановне купили розового хомяка. Розовый здесь еще не обитал...

Хорошо изучать животный мир с детьми, которые видели его своими глазами на всех континентах Земли.

Я обещал вам показать доклады, которые мне Рома подарил. Вот они. Печатаются, правда, с сокращениями: «Леопард. Длина хвоста равна 1 метру. Ни гривы, как у льва, ни бакенбардов у леопарда нет, но на конце хвоста у них есть роговой шип. Леопарды иногда хватают детей».

Г. Антонио: «Пингвины — своеобразные птицы. Летать и бегать они не умеют. Основной способ их передвижения — плавание и ныряние. На суше они ходят, неуклюже переваливаясь с одной ноги на другую и держа мешковатое тело вертикально».

Ромка прочитал это вслух и тихонько мне сказал:

— Правда, Ставрос похож на пингвина?

А Ставрос услышал и не обиделся. Он только сказал:

— Я страшно купаться люблю. Летом весь день на канале. Синий домой приду, сестра: «Где был»? — «Гулял!» А сам весь мокрый... У меня пять братьев, три сестры. Я младший брат, шестой. На будущий год поеду, наверное, к маме в Афины. Я ей письма пишу на русском, когда на греческом надоедает.

А Рома вчера сказал, что рыбкам надо давать соленую капусту.

— Это я шутил, — объяснил мне Рома. — Может, на репетицию сходим? Я там играю на трубе.

— Где там?

— В ансамбле «Интер». Сначала я пришел в духовой оркестр. Плохо, честно говоря, играл. А потом меня перевели в ансамбль и дали лучшую трубу.

— Может, ты еще и танцуешь?

— Танцую, «Русскую». Я везде успеваю, — ответил Рома и взглянул на меня снизу — хитрыми глазами из-под рыжей челки. Думал — удивлюсь. А я вспомнил, как говорил большой специалист по детству, киноактер Ролан Антонович Быков: «Разве у взрослых — день? Пустяк. Раз-два — и улетел, как не было. А в детстве какой был день! Целая жизнь: встал, поел, убежал в школу, там посидел, похулиганил, домой прибежал, перекусил (а он еще только начинается — день!), выбежал на улицу, поиграл в футбол, мать зовет — уроки делать, поделал уроки — уже свистят, ждут во дворе: опять надо куда-то идти — то ли яблоки воровать, то ли в войну играть, а он все не кончается. Вот это, я понимаю, день!»

— В пионерский актив он вошел через самодеятельность, — сказала про Рому Софья Ивановна, старшая вожатая дружины Интердома. — Попробовали его сначала избрать звеньевым. Он на всех сборах стихи читал: голос звонкий, пионерский такой. Потом членом совета дружины... А на лето он остался в школе. Родных у него нет. Был отец-политэмигрант. Он умер в Баку... Ну вот, за каникулы Рома подпортился: связался с нехорошими ребятами. Я с ним долго беседовала потом. И мы все-таки рискнули — избрали его председателем совета дружины.

— И правильно сделали, — сказал я ей тогда. — Мы бы его тоже избрали, если б дело было в наше время.

— Я в ДОСААФ пойду. В летный клуб, — сообщил мне Рома на репетиции, — называется «Высота».

— А зачем?

— Летчиком хочу быть. Гимнастика меня не очень тянет. У меня второй разряд юношеский.

Литература

Вечная тема сочинения — «Если бы у меня была волшебная палочка» — понятна детям всех времен и народов, мне так кажется.

Шестиклассник Юра Пинчейра грыз колпачок от шариковой ручки и писал:

«Если бы у меня была волшебная палочка, я бы хотел, чтобы у меня было зрение сто процентов. Чтобы все были счастливы, кроме некоторых. И еще я много чего хочу. Но больше всего хочу, чтобы у меня было много пороху. И еще чтобы у меня был мотор Иж-56. А еще бы хотел, чтобы атмосфера никогда не загрязнялась. И чтобы вся природа осталась прежней».

И он сложил листок и сдал сочинение, решительно глядя учительнице в глаза своими близорукими глазами ребенка XX века.

Кто знает, зачем ему много пороха? Может, хочет отомстить за маленькую Шикунду из Анголы, над которой

пошутили взрослые: заминировали куклу и дали ей поиграть. Взрывом Шикунде руку оторвало и выбило осколком глаз. А может, вспомнил Юра, как привезли недавно в Интердом троих детей и сказали: мы отправим вас в лагерь на лето. А младшая из них, Хаят, вцепилась зубами в рукав директорского пиджака, бьется и кричит. Решила, что отправят их в концлагерь. Ей принесли цветные фотографии «Артека» — там, где море и солнце. Все равно не верит и ревет...

Вот такие, Юра, дела. И я не знаю, хватит ли у тебя сил и пороха, чтоб найти виноватых. Попробуй, малыш.

Монолог классного руководителя 6-го «Б»

Даже если у кого-то из них родители живы, судьбы все равно у всех искалечены. К нам они приезжают всякие: и злые, и жадные, и затравленные, как волчата после облавы.

Меня они приняли холодно, скептически: «Нам ничего не надо. Оставьте нас в покое. Мы хотим после урока прийти в комнату и лечь спать. Все».

Но ведь я прекрасно знаю, что они не такие, что это лишь способ самозащиты. Как ни странно, именно в их возрасте недоверие очень медленно тает. И может, иногда даже врачу бывает легче вернуть тяжелобольного к жизни, чем нам вернуть такого ребенка к детству.

Они рано взрослеют по разным причинам. У меня есть один отличник из Колумбии — Хосе. Я никогда не видела, чтобы он играл: слишком взрослый пионер. Я ему говорю: «Неужели тебе не хочется похулиганить? Ты что, всегда был серьезный?» А он отвечает: «Я был самый главный в банде на нашей улице. Я бил витрины, воровал поросят, пил брагу из тростника, чтобы заглушить голод. А теперь вступил в компартию. Сколько можно быть бандитом?»

Для них вся жизнь — политика. Я раньше работала в сельской школе и могу сравнить, насколько наши деревенские дети меньше ею интересуются, мировой политикой, в 12 с лишним лет. Я не знаю, хорошо ли это, плохо ли. Но это понятно. Когда ребенок благодаря той самой политике заброшен в неизвестное, как десант, за тысячи миль от дома, он, естественно, будет постоянно теребить взрослых и выяснять: как там дела, на родине?.. Конечно, со временем интернат должен стать для них вторым домом. Но кто поможет назвать точные сроки — когда? И потом второй дом — это второй. А как там первый?..

Часто приезжают дети тринадцатилетние, которые совсем не умеют ни писать, ни читать. Зато на родине, в далеких джунглях, жизнь научила их за 45 секунд разбирать автомат с закрытыми глазами. И машину заводить без ключа.

Была недавно передача об Анголе. Мои дети ловили меня в коридоре и спрашивали ревниво: «Видели про нас по телевизору?» Да, я видела, как строится железная дорога под огненным полуденным солнцем. И еще там показывали солдат — ровесников моих учеников...

Вы знаете, среди африканцев и латиноамериканцев встречаются внешне очень здоровые ребята: сильные, высокие. Но они и болеют часто. Врачи говорят, что будут болеть всю жизнь, оттого что в раннем детстве голодали.

В раннем детстве — это же недавно. Вы можете представить? Я, например, не могу...

И все-таки дети — великие люди. Никакие издевательства, унижения, недоедания не поломали их хрупкие души. Самолюбия у каждого — выше головы. И это прекрасно. Хотя иногда смешно. Я взяла им билеты в театр. Карлос сказал: «Я не пойду, Валентина Викторовна. В театр ходят только богатые люди». Я объяснила, что у нас не так. Сказала, что пьеса хорошая — «Обманщики». И авторы те же, что в «Иронии судьбы». (Они знают и песни из фильма поют.) Но в театр так и не пошли. Билеты пропали...

Начали мы изучать Пушкина — они и у него нашли политику в каждой строке. Читали «Я помню чудное мгновенье». И я их спросила: «Ну а здесь где политика? Здесь же все о любви». Они говорят: «Ничего подобного. А как же «бурь порыв мятежный»?..»

А на выставке Ильи Глазунова им понравилась картина «Детство Андрея Рублева» — мальчишка с широко раскрытыми глазами. Я чилийцам тогда говорила: «Смотрите. Великое время рождает великих художников. Вы видели многое сами в своей стране — рисуйте».

А по залам бродили такие литературные дамы и возмущались: «Боже! Как можно рисовать отрубленные головы...»

Страшно опускаться, сереть. Ты потеряешь — они потеряют. Не поймут чего-то, не узнают.

Я здесь работаю пять лет. Когда привозят новичков — это горестный праздник: значит, где-то на свете беда. Значит, детям там жить невозможно. Мы отправляем в Шереметьево автобус и не знаем, кто прилетит. И везем в автобусе всякую одежду: всех цветов и размеров.

Один новичок — самый старший в группе — спросил меня как-то: «Зачем вам эта школа? Ведь Советский Союз не получает от нее никакой прибыли. Вы все-таки странные люди...»

В конце концов они к нам привыкают и хотят, чтобы все здесь было как дома.

И Юра и Анвар сами пекут пироги. Девочки сами шьют юбки, брюки, ночные рубашки и платья для выпускного бала. Они в школе получают специальность «портная легкого женского платья» и 4-й разряд. И мальчишкам тоже брюки шьют — от фирменных не отличить.

А Гоша разговаривает с птицами в лесу, как со своими, домашними. Пришвина начитался...

Но я всегда буду помнить, как они кричали от страха, когда над школой пролетали самолеты.

И тогда я подумал: стоит жить на Земле, где каждый день — день защиты детей. А иначе зачем мы здесь и есть ли смысл во всем вокруг происходящем?

...Строевые мачты — сосны с шоколадными стволами над Россией держат небо изумительных цветов.

Иваново — Москва

АЗИЯ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Иван ЩЕДРОВ,
корреспондент «Правды», —
специально для «Ровесника»

В этом номере «Урок у карты» Юго-Восточной Азии — обширного района мира, в течение многих лет подвергающегося политическому давлению и прямой вооруженной агрессии империализма, а в последнее время и пекинских гегемонистов. Несмотря на сокрушительные поражения, ни те, ни другие все еще не отказались от планов установления своего господства над государствами этого района и действуют ныне единым фронтом. Борьба народов Юго-Восточной Азии за свою независимость и суверенитет встречает понимание и широкую поддержку со стороны всего прогрессивного человечества.

Так сложилась судьба этого огромного района на стыке двух океанов — Тихого и Индийского, что только в последнюю четверть нашего века он в полной мере обретает право гражданства в международной жизни, а с ним и заслуженную известность. В самом деле, спросите любого об Африке, Ближнем Востоке, Европе, Северной и Латинской Америках — и получите пространные и достаточно полные ответы.

Но на вопрос о колыбели одной из древнейших цивилизаций нашей планеты, описанной еще Птолемеем, а затем Марко Поло и Афанасием Никитиным, ответы даются противоречивые, не всегда полные.

Какие же государства включает в себя сегодня этот огромный континентально-островной район? Бесспорно, Вьетнам, Лаос, Кампучию, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур, Индонезию, Филиппины, Бруней. А вот о географическом статусе остальных — «окраинных» — стран Юго-Восточной Азии существуют разные мнения. Скажем, Папуа — Новая Гвинея (Восточное Папуа) многие справочники 70-х годов относили к Австралии и Океании, в то время как западная часть острова указывалась как составная часть Юго-Восточной Азии. Ларчик открывается просто. Западная часть острова принадлежит Индонезии, а восточная долгое время была подопечной территорией Австралии. Или, например, Бангладеш. Страна лежит на стыке Южной и Юго-Восточной Азии. В свое время участие Пакистана в СЕАТО — проамериканском военном блоке в Юго-Восточной Азии — объяснялось тем, что Восточный Пакистан (ныне Бангладеш) расположен именно в этом регионе. А Индия, некоторые районы которой расположены восточнее Бангладеш, всегда относилась к Южной Азии. Столь же неясным остается (видимо, из-за колониальной принадлежности) положение Сянгана (Гонконга) и Аомыня (Макао) [1]. В политическом аспекте обе эти территории сегодня также относятся к Юго-Восточной Азии.

В древнюю эпоху район включал в себя и часть территории со-

---

[1] *Гонконг и Макао являются колониальными владениями соответственно Англии и Португалии на территории Китая. — Примеч. авт.*

временного Южного Китая, где жили не этнические китайцы, а предки вьетнамцев и ряда других народов, обитающих ныне на Индокитайском полуострове.

На века Юго-Восточная Азия как регион исчезла из истории из-за колониальных разделов. Она была окрашена в различные колониальные тона португальских, испанских, британских, французских и голландских владений. Из многих государств (заметьте: древних!) независимость в Юго-Восточной Азии сохранило лишь одно — Сиам, позднее переименованный в Таиланд.

Начало научному марксистскому подходу к оценке Юго-Восточной Азии как единого региона было положено в 30-е годы крупным советским востоковедом академиком А. А. Губером. В 50-е годы в Советском Союзе и за рубежом началось широкое комплексное изучение Юго-Восточной Азии. Сейчас уже многое восстановлено из забытого, фальсифицированного колониальными историками Запада и Востока, сделаны открытия, которые дают возможность по-новому взглянуть на прошлое и настоящее района.

Помнится, читая нам, своим студентам, лекции, Александр Андреевич Губер, в то время директор Института востоковедения, уже в начале 50-х годов высказывал мысль о том, что этот район вероятнее, чем бассейны Хуанхэ и Янцзы, а тем более Япония, является одной из прародин мировой цивилизации. Открытия последних десяти-пятнадцати лет подтвердили эту догадку. В бассейне великой азиатской реки Меконг (на территории Таиланда в районе Банчиенг) была найдена новая, совершенно неизвестная ранее культура. Возраст обнаруженных при раскопках поселений и гончарных изделий с изумительной росписью составляет, по оценкам ученых, около семи тысяч лет. Там же, в пещерах южных отрогов Гималаев, найдены остатки семи видов одомашненных растений. Их возраст определен новейшим радиоуглеродным методом и составляет десять с половиной — одиннадцать тысяч лет.

Юго-Восточная Азия наряду с Месопотамией и бассейном Ганга считается сегодня одним из древнейших известных на Земле очагов земледелия, где человечество не только научилось выращивать зерновые культуры, но и приручило для работы скот.

Советские ученые доказали несостоятельность утверждений западных и националистически настроенных китайских историков о «цивилизаторской» миссии китайцев в Юго-Восточной Азии. Более того, доказано, что, наоборот, этот древний район оказал серьезное влияние на районы будущей китайской цивилизации. Это относится и к рису — важнейшей культуре всего восточного земледелия, впервые освоенной в Юго-Восточной Азии.

Два с половиной тысячелетия назад народы, населявшие Юго-Восточную Азию, поддерживали торговые связи не только с соседними районами, но и Месопотамией, Средиземноморьем и, возможно, с Америкой.

В средние века здесь существовали крупные государства, оставившие после себя памятники всемирной известности. В один ряд с египетскими пирамидами и бывшей столицей государства инков в Америке можно поставить такие шедевры, как средневековую столицу Кампучии — Ангкор, раскинувшуюся на шестистах квадратных километрах, знаменитый индонезийский комплекс Боробадур, бирманский Паган — пять тысяч пагод на берегу Иравади — мертвый город, бывшую столицу могучей, канувшей в Лету империи. В центральной части Вьетнама сохранились развалины городов могущественного некогда королевства Тямпа, возникшего в начале нашей эры в Индокитае и исчезнувшего в результате феодальных войн семнадцать веков спустя. В последние годы тямы[1] — потомки жителей этой легендарной, но земной «Атлантиды» Востока — были вырезаны в Кампучии кликой Пол Пота — Иенг Сари[2].

Двадцатый век стал эпохой освобождения народов Юго-Восточной Азии от колониального и неоколониального ига, эпохой пробуждения их национального и классового самосознания. Уже в 20-х годах здесь появились первые коммунистические организации.

Созданное в июне 1925 года Хо Ши Мином Товарищество вьетнамской революционной молодежи повело активную работу по пропаганде идей марксизма-ленинизма среди вьетнамских трудящихся. А несколько лет спустя родилась Коммунистическая партия Индокитая, объединившая в своих рядах вьетнамских, лаосских и кампучийских коммунистов. Позднее, в 1951 году, из нее выделились три самостоятельные компартии, но коммунисты всех трех стран продолжали тесно взаимодействовать между собой.

В сентябре 1945 года в Ханое было провозглашено рождение первого в этом районе земного шара государства рабочих и крестьян — Демократической Республики Вьетнам[1]. В 50-е годы имя индонезийского города Бандунга стало известно всему миру: именно здесь впервые были сформулированы пять принципов мирного сосуществования.

Героическая борьба народов Вьетнама, Лаоса, Кампучии за свою свободу и независимость, против французских колонизаторов, японских милитаристов, американских агрессоров стала символом мужества и стойкости для всех народов планеты. Кампания поддержки этих стран превратилась в широкий постоянно действующий антиимпериалистический фронт.

Семьдесят пятый год принес победу народам Индокитая в их борьбе против американского империализма и его марионеток. Перед огромным районом, где подавляющее большинство стран обрели независимость, открылись обнадеживающие перспективы мирного развития и сотрудничества.

Это не устраивало китайских гегемонистов. Они предприняли все усилия, чтобы внести раскол в единый фронт народов Индокитайского полуострова. Навязав Кампучии весной 1975 года изуверский режим своих ставленников, Пекин создал в этой стране китайскую модель политического устройства, превратил ее в полигон для чудовищных социальных экспериментов, руководил фактически политикой геноцида — массового истребления местного населения. Но план маоистов по превращению Кампучии в свою колонию провалился. 7 января 1979 года под ударами патриотов пропекинский режим рухнул, и была провозглашена Народная Республика Кампучия, избравшая путь социалистического развития, как это сделали ранее Вьетнам и Лаос.

Как же сегодня выглядит политическая карта легендарной Юго-Восточной Азии?

Объединенный в 1976 году в единое социалистическое государство Вьетнам, Народная Республика Кампучия и провозглашенная несколько ранее Лаосская Народно-Демократическая Республика, население которых составляет около 60 миллионов человек, стали

---

[1] *Эта народность сейчас осталась лишь в центральной части Вьетнама.*

[2] *После свержения в Кампучии проамериканского режима Лон Нола к власти там пришли маоистские ставленники во главе с Пол Потом. — Примеч. ред.*

[1] *В 1976 году переименована в Социалистическую Республику Вьетнам. — Примеч. авт.*

мощным форпостом социализма. Еще раньше, в 1962 году, Бирма, где проживает свыше 30 миллионов человек, объявила о том, что избирает путь некапиталистического развития.

В целом в Юго-Восточной Азии послевоенная обстановка нормализуется, налаживается взаимное сотрудничество на принципах мирного сосуществования. Так, Вьетнам установил дипломатические отношения со всеми государствами региона. Летом 1976 года из Таиланда были выведены последние американские войска и закрыты все военные базы США. Сегодня во всем районе вооруженные силы Соединенных Штатов располагают несколькими базами лишь на Филиппинах. Заявил о самороспуске в 1977 году и последний в районе империалистический военный блок СЕАТО.

В своих совместных заявлениях последних лет лидеры социалистических и развивающихся стран Юго-Восточной Азии выступают за разрядку, мирное сосуществование, добрососедское сотрудничество, превращение Юго-Восточной Азии в зону мира. Успешно развиваются в последние годы связи стран этого района с Советским Союзом, другими государствами социалистического содружества.

Для самостоятельного развития здесь есть немалые экономические предпосылки. Индонезия располагает нефтью — столь важным в наши дни энергетическим сырьем, Таиланд экспортирует 1,5—2 миллиона тонн зерновых в год. Во Вьетнаме имеются огромные залежи каменного угля и апатитов. Юго-Восточная Азия занимает одно из первых мест в мире по добыче олова и производству каучука.

Политика государств региона, направленная на укрепление своей независимости и взаимовыгодного сотрудничества между собой, встречает противодействие не только местной реакции, но и внешних сил в лице империализма и экспансионизма.

В экономике большинства стран, за исключением социалистических, господствующие позиции в торговле и многих других отраслях экономики занимают живущие в этих странах этнические китайцы — хуацяо[1]. Их численность в странах Юго-Восточной Азии оценивается в 20 миллионов. Именно в их среде Пекин пытается сколачивать свою «пятую колонну».

[1] *Хуацяо — потомки китайцев, переселившихся в Юго-Восточную Азию в поисках лучшей жизни в прошлом столетии. — Примеч. авт.*

Китайский капитал выступает активным посредником между местной компрадорской буржуазией и японскими, американскими и другими иностранными капиталистическими монополиями, которые также занимают прочные позиции в экономике развивающихся стран Юго-Восточной Азии. Их влияние довольно-таки сильно и в политике этих государств.

Именно в Юго-Восточной Азии Вашингтон, Токио и Пекин нередко действуют заодно. Так, Китай открыто выступает за сохранение и даже расширение в этом районе американского военного присутствия, ремилитаризацию Японии и укрепление ее влияния на страны в Юго-Восточной Азии.

В свою очередь, империалистические страны занимают молчаливый нейтралитет, а по существу, пособничают политике агрессии и экспансионизма маоистского Китая в Юго-Восточной Азии, особенно когда речь идет о социалистических странах Индокитая и Бирме, отвергнувшей капиталистический путь развития.

Курс этих стран, их важный позитивный вклад в упрочение мира не устраивают экспансионистов из Пекина. Вслед за провокациями на границе они предприняли прямую вооруженную агрессию против Вьетнама, закончившуюся, как известно, провалом. Продолжаются провокации на границе с Бирмой, ведется лихорадочная подготовка агрессии против Лаоса, не прекращается грубое вмешательство во внутренние дела других стран Юго-Восточной Азии.

Пекин в последние годы пытается сеять раздор между АСЕАН — организацией пяти развивающихся, идущих по капиталистическому пути стран района (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Сингапур) — и социалистическими государствами Индокитайского полуострова. Китайские лидеры стремятся организовать некий антисоветский и антивьетнамский, а по существу, контрреволюционный фронт, подчинить своему влиянию страны района.

Но такая политика Пекина не нашла поддержки в столицах стран — членов АСЕАН. Особенно наглядно это просматривалось осенью прошлого года, во время визита заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина в Таиланд, Малайзию и Сингапур. Премьер-министр Таиланда К. Чаманан во время бесед с визитером из Пекина говорил о необходимости установления стабильности в Индокитае. В малайзийской столице, как писала газета «Нью-Йорк таймс», Дэн Сяопина приняли «исключительно по китайскому требованию», поскольку Малайзия «не хотела обсуждать с ним никаких серьезных проблем». А премьер Сингапура Ли Куан Ю прямо заявил, что «сингапурцы достаточно хорошо разбираются в геополитике, чтобы знать, что их будущее непосредственно зависит от будущего Сингапура в Юго-Восточной Азии, а не от будущего Китая», и что они «не могут жертвовать своими национальными интересами во имя Китая».

Следует подчеркнуть, что нынешние руководители Китая давно уже заявили о своем «праве» на Юго-Восточную Азию, фактически солидаризировавшись с притязаниями древнекитайских императоров.

На школьной карте, изданной в Пекине еще в 1954 году, были обозначены в качестве китайских земель, якобы «отторгнутых» империалистами, территории Вьетнама, Бирмы, Лаоса, Кампучии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, часть индонезийских островов. А в 1965 году на секретном заседании Политбюро ЦК КПК «великий кормчий» Мао Цзэдун откровенно сформулировал захватнический план пекинских экспансионистов. «Мы, — сказал он, — обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... Такой район, как Юго-Восточная Азия, очень богат. Там исключительно много природных ископаемых. И он весьма заслуживает затрат на то, чтобы заполучить его. В будущем Юго-Восточная Азия будет очень полезна для развития китайской промышленности. Таким образом, можно будет полностью возместить убытки. После того как мы заполучим Юго-Восточную Азию, в этом районе можно будет укрепить силы, противостоящие советско-восточноевропейскому блоку».

Однако ни «традиционным» западным колонизаторам и империалистам, ни азиатским гегемонистам китайского великоханьского образца не повернуть вспять колесо истории в огромном районе, где народы выступают против любых форм иноземного ярма, за свободу и независимость, мир и сотрудничество. На стороне их справедливой борьбы — Советский Союз, другие страны социалистического содружества, прогрессивные и демократические силы мира. Их сила в крепнущей солидарности. Это наглядно доказано на примере единого фронта социалистических стран Индокитая — Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Китайская агрессия во Вьетнаме: убитые мирные жители, разрушенные города, деревни и поселки, разграбленное имущество. Вьетнамский народ встретил разбойничье нападение с непоколебимым мужеством. Попытка пекинских гегемонистов помешать форпосту социализма в Юго-Восточной Азии строить новую жизнь обернулась для китайских захватчиков сокрушительным поражением — не только военным, но и морально-политическим.

ЭКСПАНСИОНИЗМ ПО НАСЛЕДСТВУ

Л. АНДРЕЕВ

С 15 по 20 октября 1975 года в пограничном вьетнамском городке Монгкай состоялась выездная сессия народного суда провинции Куангнинь. Слушалось дело о контрабандной торговле... «живым товаром». Девять обвиняемых — вьетнамские граждане китайского происхождения, или, как их называют, хуацяо, — похищали вьетнамских девушек и продавали их в Китай в качестве наложниц. Расценки колебались от трехсот до четырехсот юаней за человека — сумма, равная стоимости буйвола. Роль посредников в этой преступной торговле, разумеется за солидные комиссионные, выполняли китайские пограничники.

Спустя три года, когда в Китае развернулась антивьетнамская кампания, смысл которой состоял в том, чтобы представить выходцев из Китая — хуацяо (а их в СРВ насчитывается около полутора миллионов), — гонимыми, притесняемыми и обездоленными (по-китайски — «наньцяо»), китайские пограничники припомнили своих бывших компаньонов по контрабандным делам. И эти преступники, понесшие заслуженную кару, также были объявлены «наньцяо» — «великомучениками», «терроризируемыми» вьетнамскими властями.

Кампания «наньцяо» — это одно из последних звеньев цепи многолетней враждебной деятельности Пекина в отношении Социалистической Республики Вьетнам. В этой цепи было много звеньев: военный и политический шпионаж, экономические диверсии, попытки бросить на вьетнамскую землю ядовитые семена «культурной революции», угрозы, убийства, клевета, антивьетнамская истерия, провокации на границе... И, наконец, прямая вооруженная агрессия против суверенного государства. Мы еще вернемся к рассказу о политике маоцзэдуновского руководства Китая в отношении социалистического Вьетнама, но сначала немного истории.

...Очень давно вьетнамская столица Ханой называлась совсем по-другому — Тханглонг. В переводе на русский это означает «Поднимающийся дракон». А на морском побережье, неподалеку от города Хайфона, есть необычайной красоты бухта Халонг — «Опускающийся дракон». Эти названия связаны с одним древним преданием. Когда-то, гласит предание, с моря на Вьетнам двинулись армады китайских кораблей. И тогда из столицы поднялся в небо огромный дракон (драконы считались священными существами во Вьетнаме). Он полетел в сторону побережья, опустился в море и окаменел. Колючие шипы и наросты на спине дракона превратились в скалы и, возвышаясь над поверхностью воды, преградили путь врагу.

Такова одна из многочисленных легенд, сложенных во Вьетнаме о борьбе против китайских захватчиков. Если мы обратимся к истории, то увидим, что императоры «Поднебесной»[1] пытались сделать это много раз. Первое нападение на Вьетнам было совершено еще в 214 году до нашей эры, но не увенчалось успехом. Через сто лет китайские правители вновь вознамерились подчинить себе непокорных вьетнамцев. Огромные полчища могущественной династии Хань устремились на юг. Вьетнамский народ храбро сражался против завоевателей, но силы оказались неравными. Маленькая страна на Индокитайском полуострове на десять веков попала в зависимость от Китая.

Китайцы смогли завоевать Вьетнам, но им не удалось покорить его свободолюбивых жителей. Восстания вспыхивали одно за другим, и в 939 году последние войска агрессоров были изгнаны с вьетнамской земли.

Через сорок лет было отражено новое вторжение китайцев. Потом еще одно — в XV веке. В XVIII веке маньчжурская династия Цин опять попыталась завладеть Вьетнамом, но безуспешно.

[1] *Так называли Китай его древние властители, желая подчеркнуть тем самым исключительное величие и обширность своих владений.*

Китайские захватчики стали вновь топтать вьетнамскую землю уже в нынешнем столетии, после окончания второй мировой войны. Япония, захватившая страны Индокитая, капитулировала под мощными ударами Красной Армии, и в северные районы Вьетнама под предлогом разоружения японских войск вошли части реакционного гоминьдановского режима Чан Кайши[1]. Но гоминьдановцев интересовало больше не разоружение японских войск, а подчинение своему влиянию Вьетнама, захват его северных провинций.

Образование в 1949 году Китайской Народной Республики было с радостью воспринято демократическим Вьетнамом. Создались условия для того, чтобы оба народа могли жить в мире, как добрые соседи.

Иного мнения на этот счет придерживались Мао Цзэдун и его окружение. Они много говорили о дружбе с социалистическим Вьетнамом, неоднократно заявляли о том, что Китай и Вьетнам связывают неразрывные узы братства, что они так же близки между собой, как «губы и зубы». Но это была ложь. За великой китайской стеной лицемерия уже разрабатывались экспансионистские планы в отношении стран Юго-Восточной Азии. И Вьетнам не составлял исключения.

В сентябре прошлого года мне на глаза попался весьма любопытный материал, опубликованный на страницах вьетнамской газеты «Куан Дой нян зан» («Народная армия»). Это были стенографические записи допросов одного и того же человека. Первая датируется сентябрем 1958 года, вторая сделана ровно двадцать лет спустя. Некто Хуан Вэньтянь был арестован за шпионаж на вьетнамской территории дважды. С 1954 по 1958 год он действовал по заданию своего отца — члена гоминьдановской партии — и дяди — офицера чанкайшистской разведки. За свою незаконную деятельность Хуан Вэньтянь понес заслуженное наказание. Но, как оказалось, урок не пошел впрок. В 1966 году он вновь принялся за старое, но работал уже на пекинские спецслужбы. Впрочем, по признанию самого Хуан Вэньтяня, маоистская разведка начала вербовать его еще в то время, когда он получал деньги от гоминьдановцев. Унаследовав от древнекитайских императоров, средневековых мандаринов и чанкайшистов их притязания на соседние страны, Пекин старался использовать и то, что уже имели в «активе» его непосредственные предшественники.

Активность китайских секретных служб на вьетнамской территории росла год от года. Количество агентов увеличивалось, их задачи расширялись. Осенью прошлого года в Ханое товарищи из министерства внутренних дел республики разрешили мне встретиться с арестованными во Вьетнаме агентами пекинской разведки. Один из них — Тао Чжэнхэ — рассказывал, что в первый раз он был заброшен в СРВ в начале 60-х годов. Дав ему достаточный срок для того, чтобы закрепиться и легализоваться на вьетнамской территории, шефы поручили Тао Чжэнхэ собирать сведения о настроениях национальных меньшинств в приграничных с Китаем районах, о дислокации воинских частей, их вооружении.

Тао Чжэнхэ трижды переходил вьетнамскую границу, получая все новые и новые задания. Одна из последних задач, порученных ему, заключалась в том, чтобы создавать подпольные вооруженные группы, готовые, если понадобится, поддержать наступательные действия с севера.

В августе 1964 года конгресс США проштамповал «Тонкинскую резолюцию»[2], которая фактически открыла дорогу американским бомбардировкам северной части Вьетнама. Американцев очень тревожила позиция Китая в этом вопросе, но Мао Цзэдун «успокоил» президента Джонсона. В январе 1965 года он сказал в интервью американскому журналисту Эдгару Сноу, что «вьетнамцы могут сами справиться со своими проблемами». Через месяц на вьетнамские города и села начали падать американские бомбы. Китайское руководство заявило о «решительной поддержке справедливого дела вьетнамского народа». В Ханое, как писала пресса, появился заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин, который предложил помощь Вьетнаму, но... в обмен на отказ от советской помощи. Это предложение, естественно, было отклонено. «Разгневанный» Пекин тут же отказался поддержать предложение Советского Союза о совместных действиях социалистических стран в поддержку Вьетнама. Маоисты, по меткому замечанию одной из американских газет, были готовы «сражаться с американским империализмом до последнего вьетнамца».

Когда в Китае началась «культурная революция», маоисты попытались экспортировать ее в страны Юго-Восточной Азии. Пекинская агентура в СРВ получила на этот счет соответствующие указания. Другой агент китайской разведки, арестованный летом прошлого года, Ли Ефу, рассказывал:

— В сентябре 1966 года нас собрали в Пекине в специально отведенной для этого гостинице. Представители комитета по делам зарубежных китайцев постоянно нам твердили: величие «культурной революции» состоит в том, что она проводится не только в Китае, но и во всем мире, и особенно в странах Юго-Восточной Азии. Китай — мощная страна в Азии, говорили они, она должна играть руководящую роль. И чтобы достичь этого, нужно развивать движение «культурной революции», делая хуацяо костяком, широко пропагандировать идеи Мао Цзэдуна «поджигать фитили» — подкупать местных жителей, будоражить население, вынуждать правительства идти нашим курсом.

Во Вьетнаме движение возглавил некто Ляо Гун. Он начал сколачивать из детей хуацяо армию хунвэйбинов[1] в средних школах Ханоя. Ляо Гун со своими молодчиками занялся распространением листовок, призывающих к «культурной революции» во Вьетнаме. Он выискивал тех хуацяо, которые не разделяли его взглядов, запугивал их, обвинял в предательстве интересов своего народа, пособничестве Вьетнаму.

Продолжая твердить о том, что Китай «всегда был и будет на стороне Вьетнама» в его борьбе с агрессорами, маоисты фактически пытались вызвать беспорядки во вьетнамских городах, создать трудности для вьетнамского народа в один из самых тяжелых периодов его борьбы. Попытки маоистов раздуть пламя «культурной революции» во Вьетнаме были решительно пресечены. Хунвэйбины поутихли, пекинская агентура снова затаилась. Надежды Пекина на то, что американские бомбардировки ослабят Вьетнам, подтолкнут его в «китайские объятия», тоже не сбывались. Тогда маоистское руководство приступило к разработке долгосрочного плана, направленного на подчинение СРВ своему диктату. Об этом плане мне говорили китайские агенты. Рассчитанный на пятнадцать лет (1968—1982 годы), он включал в себя три этапа: первый — психологическая обработка населения и антиправительственная пропаганда, второй — прекращение экономической помощи и развертывание кампании «наньцяо», третий — военное давление.

---

[1] *Бывший правитель Китая, бежавший на Тайвань. Гоминьдановская (национальная) партия и по сей день остается у власти на острове. — Примеч. авт.*

[2] *Названа по имени залива у берегов Вьетнама. В качестве предлога для принятия этой резолюции послужило сфабрикованное властями США обвинение в том, что якобы вьетнамские военные корабли атаковали американские суда в Тонкинском заливе. — Примеч. авт.*

[1] *Хунвэйбинами (красными охранниками) называлась в Китае та часть молодежи, которая принимала непосредственное участие в карательных акциях против неугодных пекинским руководителям лиц. Вьетнамские товарищи употребляли этот термин летом прошлого года для тех молодчиков, которые пытались создать беспорядки в СРВ.*

Собственно говоря, первый этап являлся подготовкой к открытым антивьетнамским акциям Пекина. Китайская агентура вела активную работу среди хуацяо, стараясь разжечь в них ненависть к вьетнамцам, толкнуть на антиправительственные выступления.

Сеть агентов разведки и специалистов по идеологическим диверсиям была создана в городе Хошимине и его пригороде Шолоне, где проживает больше всего хуацяо.

— В 1975 году, — продолжал давать показания Ли Ефу, — я переехал в Хошимин. Через некоторое время китайское посольство в Ханое прислало туда человека, который передал мне инструкции для работы. Я должен был создать группу, которая занималась бы распространением среди хуацяо пропагандистской литературы. Литературу мы получали из Китая и из посольства. Для этого в Ханое тоже была создана специальная группа. Сначала мы должны были убедить хуацяо в том, что родина нуждается в их помощи, что они должны внести вклад в укрепление Китая деньгами, имуществом, собственным участием. Одновременно мы разжигали антивьетнамские настроения среди китайской буржуазии, направляя ее деятельность на создание трудностей в деле социальных преобразований на освобожденном Юге. Мы призывали их взвинчивать цены, заниматься саботажем, срывать мероприятия народной власти, направленные на стабилизацию экономики. (Заметим, что официально Пекин приветствовал освобождение Южного Вьетнама и желал вьетнамскому народу успехов в послевоенном социалистическом строительстве.) К марту 1978 года обстановка изменилась, и мы получили новую корректировку от посольства: в ближайшее время вызвать беспорядки и волнения среди хуацяо в Хошимине и Шолоне. Один из тех, кто передавал указания посольства, — его имя Чэн Хуа — говорил мне: «Какие бы методы ты ни применял, не надо забывать о великой силе «маленьких генералов» — хунвэйбинов, которых ты можешь в избытке найти в средних школах, институтах. Нужно использовать преподавателей, чтобы влезть в души этих маленьких бандитов, а через них — в их семьи. Не забывай, что именно «маленькие генералы» все перевернули в Китае в начальный период «культурной революции».

К лету прошлого года в Пекине сочли, что благоприятный момент для кампании «наньцяо» наступил. Было громогласно объявлено, что хуацяо во Вьетнаме подвергаются гонениям и что родина готова «принять в свои объятия своих обездоленных сыновей и дочерей». Китайская агентура получила задание всячески способствовать массовому выезду хуацяо в Китай, продолжая при этом инспирировать волнения в городах.

Основная ставка в плане организации беспорядков была сделана на «маленьких генералов». Слово — одному из сообщников Ли Ефу, директору школы Миньдык в одиннадцатом районе Хошимина Ли Вэньцзяо:

— В школе, где я работал, насчитывалось около четырех с половиной тысяч учащихся. Мы начали вести работу среди них еще до начала кампании «наньцяо». Мы собирали учеников и говорили им: «США и Китай будут вместе оказывать давление на Вьетнам. Между Китаем и Вьетнамом скоро начнется большая война, и главное для хуацяо — спасаться. Кто вернется (заметьте: вернется, а не уедет! — *Л. А.*) в Китай раньше — получит привилегии. Он сможет выехать в Англию, ФРГ, Канаду. А кто задержится — поедет на тяжелые работы в самые отдаленные коммуны. Если вьетнамские власти начнут призывать вас ехать на освоение новых экономических районов — отказывайтесь». Мы призывали школьников и студентов выходить на улицы, создавать беспорядки, отказываться от воинской повинности. Нам было дано указание спровоцировать народную полицию на стрельбу, чтобы оправдать утверждения о том, будто хуацяо подвергаются террору во Вьетнаме. Это нам не удалось, но мы продолжали действовать и в других направлениях. Когда в школах делали прививки или брали анализы крови, мы поднимали шум и говорили, что вьетнамцы берут кровь хуацяо и переливают ее своим солдатам, раненным на границе с Кампучией, которая является другом Китая[1]. Мы заставляли учеников ходить по домам, призывать жителей готовиться к отъезду в Китай, говорить, что в Хошимин вот-вот придут сотни китайских кораблей, чтобы увезти всех хуацяо. И люди верили. Они продавали имущество, скупали золото, драгоценности, днями и ночами ждали прихода судов...

Как известно, китайские корабли не пришли за своими «обездоленными соотечественниками». Китайцы затянули, а затем завели в тупик переговоры по этому вопросу, хотя вьетнамские власти заявили о своей готовности разрешить китайским судам войти в порты СРВ.

Разговоры Пекина о том, что он обеспокоен судьбой хуацяо во Вьетнаме, оказались сплошной ложью. «Обездоленные выходцы из Китая» были лишь картой в политической игре китайских властей.

Развернув кампанию «наньцяо», прекратив экономическую помощь Вьетнаму, отозвав всех своих специалистов, принимавших участие в строительстве гражданских объектов на территории СРВ, маоисты рассчитывали запугать вьетнамский народ. Они надеялись, что Вьетнам, почувствовав силу соседа, откажется от своей независимой политики и станет ориентироваться на Китай. Но этого не случилось.

Тогда в жизнь начал претворяться третий этап плана, о котором уже упоминалось. С июля 1978 года китайская сторона начала наращивать провокации на границе. В приграничные районы были стянуты значительные силы китайской армии, самолеты и военные корабли вторгались в воздушное пространство и территориальные воды республики. Вооруженные до зубов бандиты в форме пограничников и полицейских Китая чуть ли не ежедневно нарушали государственную границу СРВ, избивали и убивали мирных жителей, вьетнамских пограничников. С каждым днем провокации становились все более наглыми. Китайцы пытались вызвать вьетнамскую сторону на ответные действия, разжечь пограничный конфликт. Видимо, в Пекине очень надеялись на какой-нибудь формальный повод для оправдания будущей агрессии против суверенного государства. Однако по южную сторону границы проявляли выдержку и хладнокровие.

Повода для развертывания военных действий не было. Но агрессия все же началась. Без повода. 17 февраля китайская военщина напала на Социалистическую Республику Вьетнам.

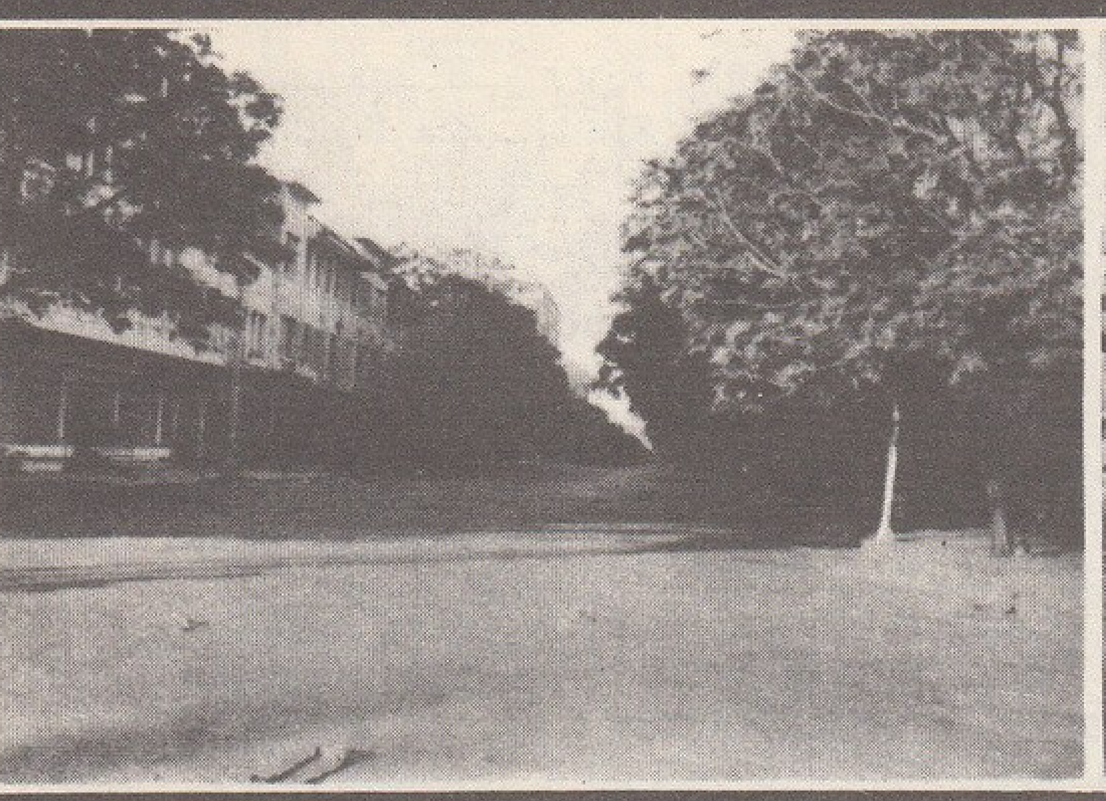
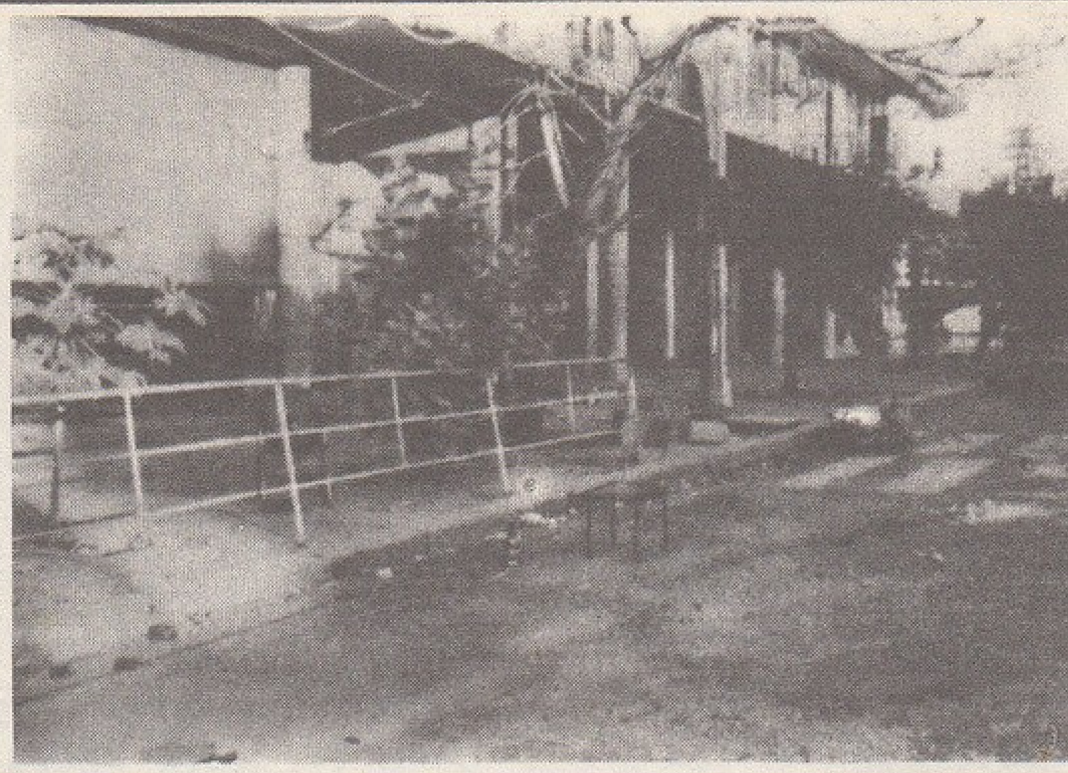
Оккупанты действовали в «лучших» традициях древнекитайских захватчиков — зверски убивали мирных жителей, выжигали и разрушали населенные пункты, увозили награбленное в Китай.

И вообще пекинские руководители действовали в полном соответствии с традициями древнекитайских императоров, которые довольно-таки часто пытались «прибрать к рукам» Вьетнам. Но каждое вторжение китайцев на вьетнамскую землю в конечном итоге заканчивалось провалом. И это тоже превратилось в традицию. Нынешняя бесславно закончившаяся агрессия не стала исключением. Однако, как писала недавно вьетнамская газета «Нян зан», правящие круги Китая никогда не отказывались от своих агрессивных замыслов в отношении СРВ, и вьетнамский народ, по-прежнему сохраняя высокую бдительность, готов отразить новое вторжение, если таковое будет предпринято пекинской верхушкой.

Ханой — Москва

---

[1] *Имеется в виду тот период, когда в Кампучии существовал пропекинский режим Пол Пота — Иенг Сари. — Примеч. авт.*

Пномпень: мертвый город.
Таким оставили его изуверы Пол Пота.

«ВАЛЯ ИЗ КАМБОДЖИ»

А. ЛЕВИН,
наш спец. корр.
Фото автора

Начиная с 17 апреля 1975 года, то есть с момента прихода к власти клики Пол Пота — Иенг Сари, ни один житель Кампучии не написал ни единой строчки своим родным, друзьям, знакомым. Переписка в стране была запрещена. И это короткое послание, выведенное неровными буквами на одной из страниц моего блокнота во время командировки в Кампучию, наверное, было первым с тех пор письмом. Скорее всего так оно и есть. Ведь мы приехали в Пномпень через две недели после его освобождения, а за такое короткое время наладить почтовую связь невозможно. Да и как писать друг другу письма, если сотни тысяч кампучийцев не добрались еще до родных мест, если почти трех миллионов человек из восьмимиллионного населения страны нет в живых?

Она писала эти несколько строчек медленно. С трудом вспоминала и старательно выводила каждое слово. И не потому, что подзабыла русский. А еще и потому, что с апреля семьдесят пятого она не держала в руках карандаш. Если у кого-то обнаруживали карандаш и бумагу — убивали.

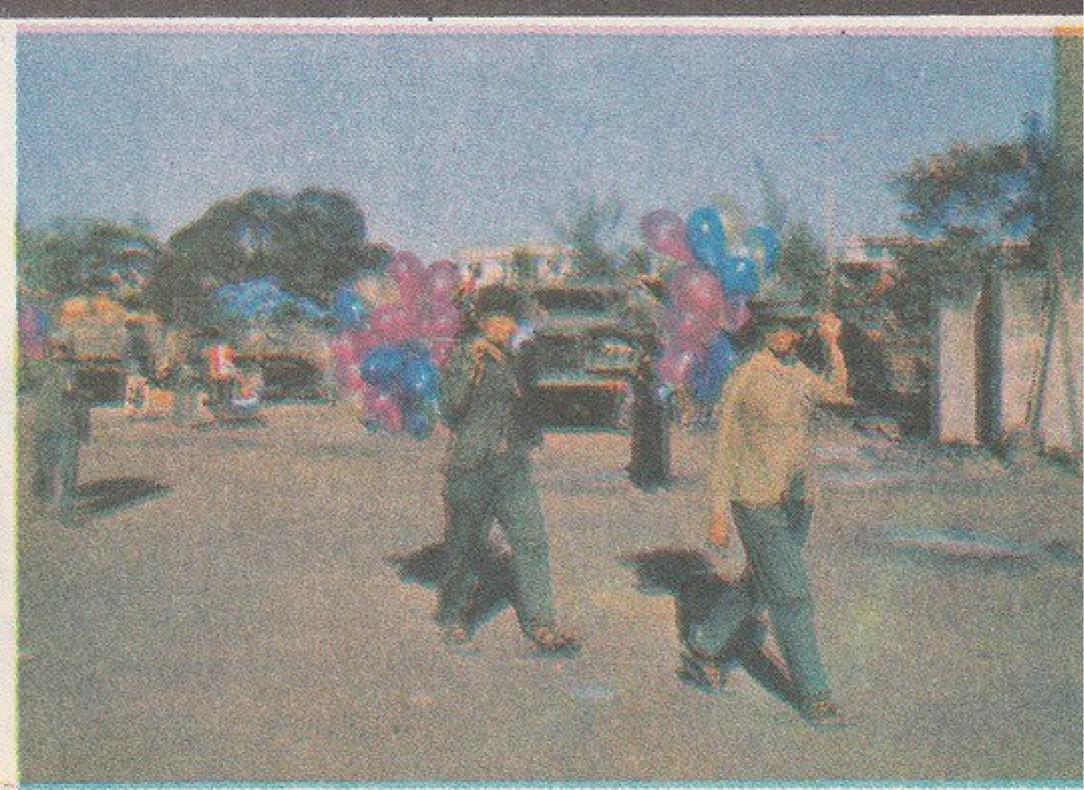
После каждой строчки Хим Хем Ванна отдыхала, сжимая и разжимая затекшие пальцы. Прошел час, прежде чем она написала это письмо. Письмо друзьям в Москву.

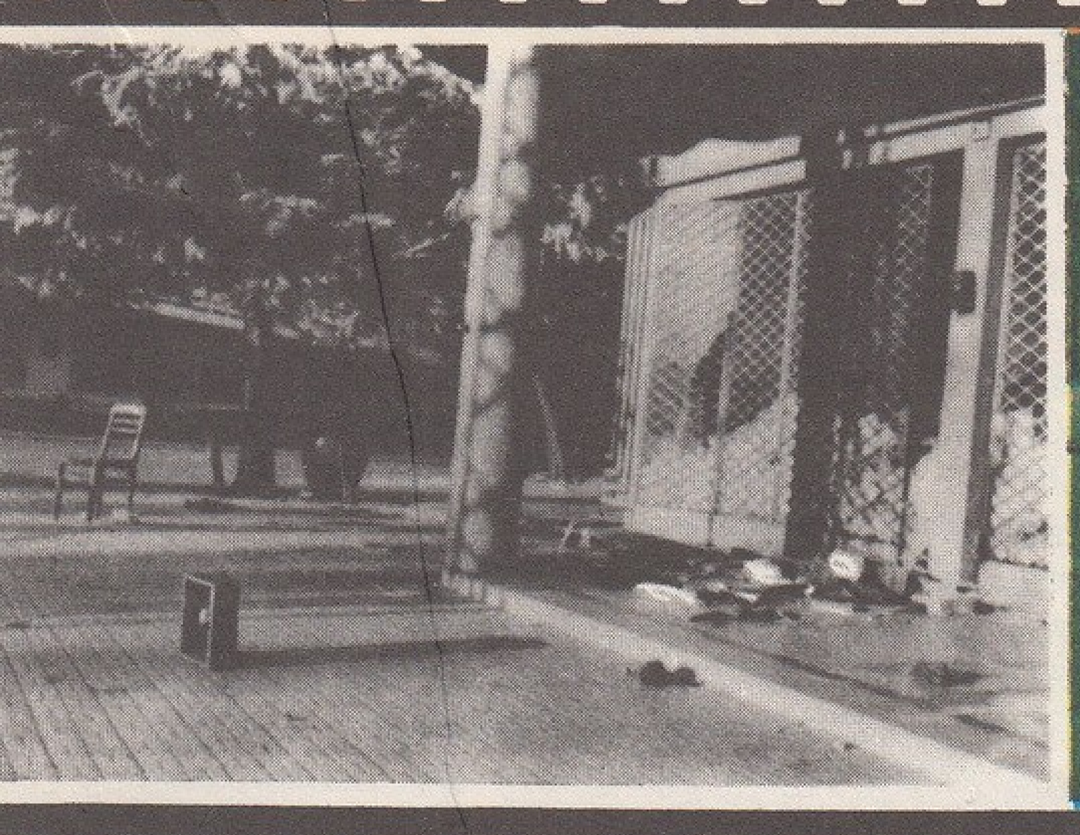
«Привет вас большое.

Я по вас всех очень соскучаю давно не видел. Только сейчас встречаю ваш журналист посылать привет вас. Жить было нехорошо. Только работать и не есть. Много убивали мужчины и женщины с детями. Я нечего нерассказывали. Нечего совсем. Потому жива. У меня дочка. 4 года. Она голодать и кричать. Я боялась. Кто плачет могли убивать. Я хочу на будущее,

Пномпень: жизнь возрождается.

чтобы она счастливой чтобы знать и говорить все русский. До встреча. Валя из Камбоджи».

— Так меня звали в Москве, — объясняет мне Хим Хем Ванна. — В училище.

Мы сидим с ней на палубе небольшого военного катера, на котором я в составе группы иностранных журналистов приезжал в деревеньку Прэаклип под Пномпенем.

В этой деревеньке мы и встретили случайно Хим Хем Ванну. Перед возвращением в Пномпень мы попросили сопровождавших нас товарищей разрешить Хим Хем Ванне поехать с нами. Нам очень нужен был переводчик. Они согласились.

— Русские имена такие смешные, — говорит Хим Хем Ванна. — И многие слова смешные. Наша преподавательница говорила нам: «Нельзя учиться шаляй-валяй». Надо же придумать такое слово. Мы хохотали до упаду.

На ее лице появляется улыбка, но глаза остаются грустными. Видно, печаль затаилась в них так давно, что глаза разучились смеяться.

— А здесь нам смеяться запрещали, — словно читая мои мысли, продолжает она. — Да и ни у кого не было желания даже улыбнуться. Почти каждый день в деревне убивали нескольких жителей, и никто не знал, что с ним произойдет завтра.

Я обратил внимание на то, что Хим Хем Ванна помнит много нестандартных выражений и слов, которые редко употребляют иностранцы.

— Как же ты не забыла за столько лет русский?

— Я очень полюбила вашу страну, ваш язык. Когда я ложилась спать, то мысленно говорила сама с собой по-русски, хотя страшно боялась, что однажды забудусь и произнесу русское слово вслух. Ни один человек в деревне не знал, что я училась в Советском Союзе. Иначе меня убили бы. Если люди из Ангкар [1] вынюхивали, что кто-то знает иностранный язык, его тут же убивали. Однажды я видела, как два охранника зарубили лопатами человека. Им стало известно, что он был раньше профессором в Пномпеньском университете. Я очень боялась этих людей. Они все время следили за нами и подслушивали, о чем разговаривают между собой жители деревни. Они сами не умели ни читать, ни писать и говорили, что образованные люди мешают строить социалистическое общество и их нужно убивать.

...Она с детства мечтала о сцене. И когда приехала двенадцатилетней девочкой в Советский Союз, ей все не верилось, что здесь она сможет танцевать на настоящей сцене. Пять лет, проведенные в Москве, летние каникулы на Волге, на Черном море казались ей сказкой. Красивой и доброй сказкой.

Хим Хем Ванна вернулась в Кампучию в семьдесят втором, но до сих пор хорошо помнит интернат на 2-й Фрунзенской, где она играла сонаты Бетховена на фортепиано, репетиции на сцене Большого, помнит, как у нее замерзал нос зимой и как она бросала в Черное море монетку, чтобы снова вернуться в эту добрую красивую сказку.

Жизнь распорядилась иначе. Последние годы сейчас тоже кажутся Хим Хем Ванне сказкой. Только кошмарной и злой. Годы жестокой тирании, диких убийств, постоянного голода. Годы страха, холодом обволакивающего сердце...

— Когда я вернулась в Пномпень, — рассказывает Хим Хем Ванна, — то очень надеялась попасть в профессиональную балетную труппу. Нас было десять человек, учившихся в Москве. Мы несколько раз выступали в столичных театрах, по телевидению. Исполняли отрывки из «Лебединого озера». И в апреле семьдесят пятого тоже хотели организовать концерт. В честь освободителей...

«Освободителей» не интересовал балет. Как, впрочем, и все остальное, относящееся к духовным ценностям. Более того, слово «культура» вызывало у них отнюдь не новую реакцию: они хватались за пистолет.

[1] *«Ангкар» в переводе с кхмерского означает «организация». Так назывались административные органы свергнутого режима. — Примеч. авт.*

В те первые дни после освобождения Пномпеня от проамериканского режима, вспоминает Хим Хем Ванна, на улицах города полыхали костры из книг. Она жила неподалеку от столичного университета — там пламя поднималось до второго этажа.

Полпотовские солдаты начали выгонять всех жителей из города. Они врывались в дома, выталкивали оттуда людей, не обращая внимания ни на возраст, ни на физическое состояние. Тех, кто не мог передвигаться сам, они убивали тут же. Большая семья Хим Хем Ванны — у нее было девять сестер и братьев — заперлась в своей квартире. Но на следующее утро дверь начала содрогаться от ударов прикладами. Несколько человек в черной одежде появились в комнате и приказали им немедленно убираться из города. Они начали громить все, что было вокруг. Хим Хем Ванна плохо помнит, как она выбежала на улицу. Кажется, за ней бежали две младших сестры, крича от ужаса. Во дворе было очень много вооруженных людей в черном. Мелькали лица соседей, надрывно плакали дети. А потом Хим Хем Ванна увидела труп своей подружки с простреленной головой и упала в обморок.

Очнувшись, она увидела мужа, который говорил, что нужно встать и побыстрее уйти отсюда, иначе их убьют. Ничего не понимая, Хим Хем Ванна пошла за ним по запруженной людьми улице.

Они шли долго — несколько дней. Всех своих родных, кроме мужа, Хим Хем Ванна потеряла и с тех пор не видела. Стояла сорокаградусная жара. Люди, которые шли в одной колонне с ними, то и дело падали, обессиленные. Солдаты добивали их прикладами автоматов, камнями. Хим Хем Ванна, которая готовилась стать матерью, тоже выбилась из сил. Муж как мог старался облегчить ее участь и заслонял собой от солдат. Те могли в любой момент заметить, что Хим Хем Ванне трудно идти. В таких случаях они говорили, что не могут задерживать колонну из-за одного человека, и убивали его.

А потом им приказали остановиться и разместили в пустой деревне недалеко от дороги. Так они и жили в этой деревне три с половиной года.

— Люди из Ангкар несколько раз заставляли меня подробно рассказывать свою биографию, — говорит Хим Хем Ванна. — Это было страшно. Если бы я хоть чуть-чуть ошиблась и сказала бы не то, что раньше, они убили бы меня. Если человек путается, говорили они, значит, хочет скрыть свое прошлое. Скрывают прошлое только враги. А врагов нужно уничтожать.

Их поднимали в половине пятого утра. Жидкая рисовая похлебка, гнилая рыбина на завтрак — и всех отправляли работать до двенадцати часов дня. Затем получасовой перерыв и снова работа. До половины седьмого. Вечером еще раз такая же похлебка и еще раз гнилая рыбина. И опять их гнали в поле — до наступления темноты. И так каждый день. Без воскресений и праздников.

Жить семьями было запрещено. Женщины и мужчины работали в разных бригадах и ночевали в бараках, отведенных для каждой бригады. Хим Хем Ванна видела своего мужа только раз в месяц. Только раз в месяц родственникам разрешали встречаться. Даже если они жили в одной деревне. Передвижение по деревне запрещалось.

— После того как у меня родилась дочка, мужа куда-то увезли, — голос Хим Хем Ванны чуть дрожит. — И вот тогда я во второй раз за свою жизнь заплакала. Мы остались с малышкой одни, совсем одни. И я боялась, что мы не выдержим. А позже я все время боялась, что ее отнимут у меня. После четырех-пяти лет детям не разрешали жить с родителями. Их отдавали на воспитание другим людям.

Страшно было слушать эти слова, хотя я слышал то, что рассказывала Хим Хем Ванна, не в первый раз. Кампучийские товарищи говорили мне о том, что бывший режим возвел разъединение семей в ранг государственной политики. Он не только отрывал людей от родных мест, перетасовывая население страны, как колоду карт. Он пытался лишить нацию всего, что делало ее единым и монолитным целым. Так было легче управлять, так было легче убивать людей. Так было легче претворять в жизнь чудовищный план Пекина, который предусматривал полное уничтожение кампучийской нации и переселение в Кампучию десяти миллионов китайцев.

Этой цели была подчинена вся деятельность пномпеньских властей. Ликвидация городов, системы образования, массовое убийство людей, создание «коммун» китайского типа, уничтожение интеллигенции...

Катер подчалил к берегу. Я взглянул на Хим Хем Ванну. Она напряженно вглядывалась в пустые безжизненные дома Пномпеня, в мертвые улицы. Ее губы дрогнули.

— Это невероятно! — прошептала она. — Какая дикость! Неужели это Пномпень?! Ведь в нем всегда было столько людей!

...В конце дня, воспользовавшись свободным временем, я попросил Хим Хем Ванну показать мне дом, в котором она жила. Он находился недалеко от центра, и мы пошли пешком. Мимо незапертых, распахнутых настежь дверей, разграбленных магазинов, разгромленных учреждений. На одной из улиц около бензоколонки валялся круглый фанерный щит с нарисованным на нем гербом: рисовые колосья, поле, контуры завода с дымящейся трубой.

— Герб режима Пол Пота, — с отвращением произнесла Хим Хем Ванна. — Я нарисовала бы на этом гербе человека, над которым занесена мотыга.

Наконец мы остановились у небольшого двухэтажного дома.

— Сначала я одна зайду, ладно? — вопросительно взглянула на меня Хим Хем Ванна.

Она хотела побыть наедине с прошлым.

Я остался один на пустой улице. Прошло минут двадцать, прежде чем я решился войти в дом. Внутри меня ждала знакомая уже картина. То же самое я видел в других домах города: разгром, хаос, все вывернуто наизнанку, перебито, истоптано. В одной из комнат на маленькой табуретке сидела Хим Хем Ванна и плакала. Третий раз в жизни. Увидев меня, она попыталась улыбнуться.

— Не обращай внимания. Это сейчас пройдет. Увидела игрушки своей младшей сестренки и разревелась. Это пройдет. В конце концов все позади. Весь этот кошмар. А они найдутся. Обязательно найдутся. И муж, и родители, и все остальные... Смотри-ка, что я тебе покажу.

Она вытащила из кармана кофточки какой-то маленький предмет и протянула мне. Это был значок-ромбик выпускницы Московского академического художественного училища.

— Хотела показать еще там, в деревне, да забыла. Когда нас выгоняли из Пномпеня, я успела захватить свою сумочку, а в ней оказались диплом и значок. Уже в деревне у нас отбирали все, но я успела их закопать. Диплом сгнил, а значок вот остался. Правда, поржавел немного. Вернешься в Москву, зайди в училище. Скажи, что Валя из Камбоджи жива, что она не забыла то, чему ее учили, и что она обязательно будет танцевать для кампучийцев. Ведь они столько времени не видели ни одного танца...

Я выполнил ее просьбу, побывал в училище на 2-й Фрунзенской. И там мне подарили фотографию десятилетней давности. Фотографию маленькой Апсары[1] из Кампучии.

Пномпень — Москва, январь

[1] *Танцовщица из кхмерской мифологии. — Примеч. авт.*

ЭХО КОЛОНИАЛЬНЫХ ВРЕМЕН

В. ГРИГОРОВИЧ

Не так давно в печати появилась очередная телеграмма корреспондента агентства Франс Пресс из Манилы:

«По сообщению представителя военного командования, девятнадцать мусульман-сепаратистов, участвовавших в нескольких засадах в двух южных филиппинских провинциях, сдались властям. Мятежники являются членами движения, ведущего с 1972 года войну за отделение от Филиппин острова Минданао и архипелага Сулу. В результате этой войны уже погибло предположительно более 50 тысяч человек».

В редакциях манильских газет к подобным сообщениям уже привыкли и почти не печатают их: события на юге Филиппин перестали быть «новостью». И все же там идет война. Тихая, не очень заметная, но война. И хотя время от времени появляются официальные сообщения о «крупных поражениях мятежников», борьба эта не прекращается.

Что же это за события и чем они вызваны?

Трения между мусульманским Югом и центральной властью возникли не сегодня и не вчера. В этом смысле ситуация на Филиппинах не исключение, напротив, подтверждение печального исторического факта: повсюду, где побывали колонизаторы, остались тлеющие до сих пор и порой вспыхивающие угольки междоусобиц — этнических, религиозных, политических.

Державы-метрополии кроили и перекраивали карты своих заморских владений в соответствии с собственными соображениями (прежде всего по принципу: «Разделяй и властвуй») или соотношением сил между собой. То резали «по живому» (проводили границы, не считаясь с контурами расселения того или иного народа), то искусственно объединяли в одно государство районы, резко отличающиеся друг от друга и по этническому составу населения, и по уровню экономического и социального развития. Последствия этих колониальных своеволий дают себя знать на протяжении последних трех десятилетий, усугубляя и без того тяжелый груз нерешенных проблем развивающихся стран. До сих пор то в одном, то в другом районе Африки, Латинской Америки, Азии возникают пограничные или внутригосударственные конфликты, корни которых следует искать не в сиюминутном поводе, а, как говорится, в делах давно минувших дней.

Внутринациональные осложнения на Филиппинах — явление того же ряда. В конфликте, по форме религиозно-этническом, сложно переплелись факторы исторического, политического и экономического плана.

Филиппины — страна по преимуществу католическая. Но еще несколько столетий назад, задолго до того, как филиппинский архипелаг был «открыт» Магелланом, а затем захвачен испанцами, принесшими туда католицизм, на втором по величине острове стра-

ны — Минданао, на архипелаге Сулу и острове Палаван осели кочевые племена, исповедовавшие ислам. С легкой руки испанских конкистадоров их стали называть «моро», то есть «мавры». И хотя на сегодняшний день из 46-миллионного населения Филиппин моро составляют лишь два-три миллиона человек (по некоторым источникам — до пяти миллионов), юг этой страны по традиции считается и называется мусульманским.

Филиппинские мусульмане — народ очень независимый и воинственный (в чем вы сможете убедиться, прочитав публикуемые ниже заметки очевидца, американского этнографа). В свое время испанским завоевателям, покорившим после длительной и упорной борьбы многочисленные племена архипелага, справиться с моро так и не удалось. Пришедшие в начале XX века на смену испанцам американские колонизаторы также не смогли одолеть непокорные племена. Не подчинились они в годы второй мировой войны и японским оккупантам.

Вскоре после того, как в 1946 году Филиппины обрели политическую независимость, началась миграция жителей перенаселенных северных островов на мусульманский юг и, в частности, на остров Минданао. Первыми были сезонные и сельскохозяйственные рабочие, которые мечтали обзавестись собственной землей. Они занимали «ничейные» земли вдоль плодородного побережья, и поначалу никто никому не мешал жить.

Но затем на юг потянулись разного рода авантюристы, дельцы, спекулянты. Они скупали, а чаще просто насильно захватывали огромные участки земель, вытесняя местное население в джунгли, болота и горы — в места бесплодные и дикие по сей день, а то и уничтожая его физически.

Моро в ответ стали прибегать к оружию.

Постепенно конфликты приобрели хронический характер. Обе стороны создали свои «частные» армии: христианскую и мусульманскую. Как водится в таких ситуациях, появились и банды уголовников, которым было безразлично, кого грабить: крестьян-мусульман или крестьян-католиков.

К 70-м годам количество жертв с обеих сторон исчислялось уже тысячами. Правительство направило в районы волнений армию и усилило полицию. Мусульмане восприняли это как акцию, направленную только против них. Борьба моро приобрела повстанческий, антиправительственный характер. Это и послужило одной из главных причин введения в 1972 году на Филиппинах военного положения, которое сохраняется и по сей день.

Борьба мусульманского населения против властей приняла в последние годы характер сепаратистского движения. Правительство использовало все меры: и силу, и политические маневры, и переговоры, и амнистию, и многообещающие экономические и политические программы развития. Но конца затяжной братоубийственной междоусобице пока не видно.

В конфликт втянута и народность, о которой идет речь в публикуемом ниже этнографическом очерке. Его автор затрагивает один довольно своеобразный аспект колониального и неоколониального наследия на Филиппинах. Аспект, вписывающийся в общую картину конфликта, о котором я говорил выше. Речь идет о том, как пагубно сказалось на таусогах, народности из группы моро, знакомство с современным огнестрельным оружием. Перед нами ситуация, по сути, парадоксальная. Если колонизаторам-испанцам удалось навязать свою религию и культуру населению большей части Филиппинского архипелага, то таусоги успешно противились их натиску. Но именно их воинственная непокорность, естественно сложившаяся в условиях непрекращавшейся обороны от иноземцев, не устояла перед соблазнами «цивилизаторского» мира — «кольтами», «гарандами», карабинами М-1 и прочим вооружением, в изобилии посыпавшимся на остров Холо во время и после второй мировой войны.

Томас Кифер ограничивается констатацией губительного воздействия, которое оказал на патриархальный уклад жизни таусогов наплыв оружия. Обобщение же, которое я попытался сделать, напрашивается из им же предложенного — на мой взгляд, очень точного — сравнения, которое «Ровесник» вынес в заголовок его статьи.

«ТРОЯНСКИЙ КОНЬ» НА ОСТРОВЕ ХОЛО

Томас КИФЕР,
американский этнограф

Английский путешественник Джеймс Брук, посетив в середине XIX века южные острова Филиппин, писал потом, что для таусогских мужчин кинжалы — крисы — значат то же, что для английских джентльменов шпаги: они символизируют мужественность и силу. Когда таусог отправлялся на торжество, непременной деталью его туалета был богато украшенный крис, который, впрочем, мог быть употреблен и по своему прямому назначению. Если бы Брук вернулся на острова сейчас, он бы увидел, что, хотя таусоги и носят по-прежнему крисы, их — в символическом и практическом смысле — заменила автоматическая винтовка.

Около двухсот тысяч таусогов живут на Холо — одном из вулканических островов, расположившихся цепочкой от Замбоанги на острове Минданао до Северного Борнео на юго-западе. Острова эти составляют архипелаг Сулу. Султанат Сулу был самым северным среди мусульманских государств Ост-Индии. Таусоги живут на всем архипелаге, но Холо считается их политическим центром. Испанцы неоднократно пытались завоевать остров Холо, но, хотя в 1878 году они и окопались со своим гарнизоном в городе Холо, подчинить остальную территорию им так и не удалось.

После того как в начале XX века американцы вытеснили испанцев с Филиппин, Холо с прилегающими островами стал считаться владением Соединенных Штатов. Таусоги немедленно повернули оружие против американских войск. И сегодня они с горделивой усмешкой обратят ваше внимание на то, что одна из моделей полуавтоматического пистолета «кольт» сорок пятого калибра была изобретена американцами именно для того, чтобы обороняться от шедших на верную смерть воинов-таусогов. Последний крупный бой с войсками США произошел в 1913 году. Тогда погибли несколько сотен таусогов, засевших, как в крепости, в кратере вулкана.

В целом и под американским правлением таусоги оставались сами собой и не поддались чуждой куль-

туре. И все же таусогское общество в конце концов претерпело изменения. Самое губительное воздействие на него оказал наплыв огнестрельного оружия во время второй мировой войны. Таусогским партизанам, воевавшим против японцев, были розданы американские армейские винтовки «гаранд» и карабины М-1. После того как страна получила независимость в 1946 году, филиппинское правительство пыталось отобрать оружие у таусогов, но те отказались наотрез.

В сентябре 1972 года в стране было объявлено чрезвычайное положение, и с тех пор Холо — центр яростного сопротивления центральной власти. В результате наплыва христиан на остров Минданао, к северу от Холо, там возникли земельные конфликты и обострились отношения между новоприбывшими и коренным мусульманским населением. На самом Холо землю за редкими исключениями не отбирали — христиане селились в городе и поддерживали хорошие отношения с таусогами — рисоводами и рыбаками. Но таусоги симпатизировали своим мусульманским братьям на Минданао.

Порох проник в Юго-Восточную Азию еще до того, как он достиг Европы. Таусоги умеют стрелять, начиная по крайней мере с XVII века. Но, не считая времен конца испанского владычества, только со второй мировой войны оружие появилось на острове в таком количестве, что оказало влияние на политический и общественный уклад жизни таусогов. Оно сыграло роль троянского коня. С распространением оружия изменились формы племенных отношений, уменьшилась роль родственных союзов и даже разрушилась традиционная система землепользования.

Таусоги большей частью живут на фермах, окруженных рисовыми полями. Крестьяне объединяются по признаку родства вокруг вождей. Сила вождя зависит от того, сколько у него родственников, насколько он умел и удачлив, богат и щедр, сколько молодых родичей он может в случае необходимости призвать под ружье.

Общины часто объединяются друг с другом в большие союзы, заключая договоры о дружбе, освященные кораном. Союзы эти создаются для решения междоусобных конфликтов, возникающих на почве, скажем, угона домашнего скота, захвата чужой земли, нанесения оскорбления мужской чести. Они весьма недолговечны, существуя лишь, пока в них есть практическая нужда. Но в случае необходимости эти объединения могут собирать войско, насчитывающее сотни, а то и тысячи человек.

Доступность огнестрельного оружия уменьшила роль межобщинных союзов. В 1967 году я был свидетелем такого инцидента. Молодой человек по имени Хаджан отправился на рыбный рынок, где случайно встретил врага семьи, Абдула. Хаджан и Абдул еще никогда не выходили друг на друга в открытую, но Абдул подозревал, что Хаджан за несколько ночей до того пытался его подстрелить после мелкой ссоры. Они заспорили на рыночной площади, в дело пошли крисы. Абдул схватил ружье и собрался было стрелять, но толпа удержала его.

В тот же вечер сорок вооруженных мужчин из деревни Хаджана плюс двадцать из союзнической общины атаковали дом Абдула. Тому удалось призвать в помощь только трех людей, но дом его стоял в зарослях и был к тому же окружен забором из колючей проволоки, и четверка Абдула, вооруженная автоматами, смогла выдержать осаду, которая длилась полночи. Если бы месть вершилась, как раньше, на ножах или даже с ружьями, но старого образца, Абдул наверняка бы погиб.

Традиционное таусогское законодательство основано на принципе самопомощи: пострадавший должен сам позаботиться о восстановлении справедливости. Причем о своих намерениях он обязан объявить публично, ибо, пока он «держит зло в печени», ум его неподвластен добрым и мудрым советам.

Современное же оружие позволяет действовать единолично и тайком, не призывая в союзники общественное мнение, — устраивать ночные засады, стрелять сквозь стены и крыши хижин, палить издалека. Прежде было трудно мстить без помощи родни и друзей. В засаду шли с ножом, сходились врукопашную. Врага видели в лицо, знали, против кого и за что направлять ответную акцию. Ныне участились убийства неизвестными по неизвестным причинам. Внутриобщинные отношения подрываются наговорами и домыслами.

Стало больше несчастных случаев, и они тоже иногда приводят к кровавой племенной вражде. Однажды — это случилось в 1968 году — двоюродные братья (оба они были настороже из-за войны, которую вела их семья против другой семьи) повстречались ночью на узкой тропинке. В темноте они не узнали друг друга, а поскольку для таусогов произнесение своего имени является табу, то оба так и выстрелили, не произнеся ни слова. На похоронах я спросил старика из этой семьи — могло ли что-нибудь подобное случиться в прежние дни? Он ответил, что, если б не винтовки, такого никогда бы не произошло, и добавил, что вообще-то хорошо, что погибли оба, не то внутри общины разгорелась бы серьезная вражда.

В 1968 году на трех мужчин на восточной окраине острова Холо, где я работал, приходилось одно ружье. Некоторые ружья остались со времен второй мировой войны, но большая часть была куплена у контрабандистов. Помимо своего прямого назначения, винтовки рассматриваются как неплохое вложение капитала. Карабин, который стоил 170 песо в 1950 году, сейчас может стоить уже две тысячи. Деньги на оружие выручают в основном от продажи продуктов сельского хозяйства — копры и абаки (манильской конопли), которые закупают китайцы-посредники для последующей продажи на мировом рынке. В одном районе средняя семья тратит от 30 до 40 процентов своего дохода наличными на оружие и боеприпасы. Почти каждый, с кем я беседовал, говорил, что главной причиной превращения рисовых полей в плантации кокосовых пальм было желание выручить наличные деньги на покупку оружия. У этих крестьян, как правило, оставалось достаточно денег, чтобы покупать импортируемый рис.

Одна из причин, почему таусоги так стремятся к оружию, — просто в том, что оружие есть у их потенциальных врагов. Но как ученому мне было интересно попристальней вглядеться в то символическое значение, которое придают оружию таусоги и которое отметил еще Джеймс Брук. Любовь таусога к своему оружию сродни нашей привязанности к автомобилям. Он постоянно чистит, смазывает винтовку, только о ней и говорит. Половину боеприпасов таусоги расходуют в церемониальных целях: из ружей палят при рождениях, свадьбах, религиозных праздниках — во всех случаях жизни, исключая похороны. Стреляют в привидения, а во время солнечных затмений — и в солнце.

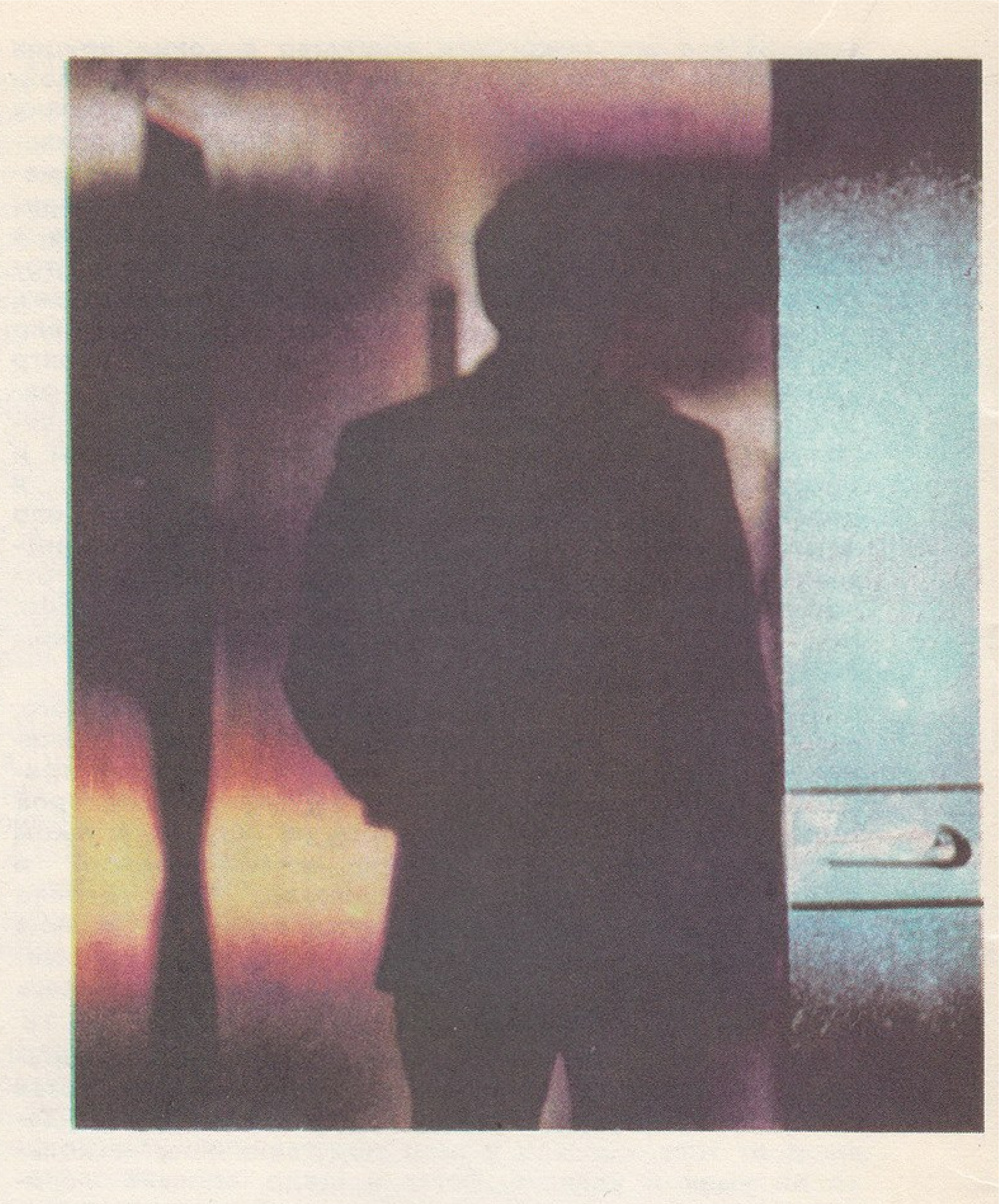
Вся община узнает каждое ружье по «голосу». Заслышав отдаленные выстрелы, я спрашивал: «Кажется, перестрелка?» — и мне отвечали: «Разве не слышите? Это Ахмад забавляется».

Несмотря на военизированность социального уклада таусогов, по природе они не склонны воевать. Вспыльчивы, это верно, но быстро отходят. Они не учат детей воинственности, наоборот, внушают им, что война — худшее зло. Но уж поскольку, говорят они, долг мужчины — «делать то, что он обязан делать», то стыд смывается и честь восстанавливается только кровью.

Таусоги, склонные к размышлениям, считают, что огнестрельное оружие изменило их быт и стало источником многих бед.

Перевела с английского Н. ГАНДЫБИНА

О ЧЕМ ПЕЛ „ПОЛКОВНИК БЕРРОУЗ"?

Коррадо ИНЧЕРТИ,
итальянский журналист

Король рок-н-ролла Элвис Пресли, который наводил ужас на «добропорядочных» американских обывателей 50-х годов, который стал идолом их детей, который и сегодня, после своей смерти, превозносится до небес, как человек, «сотворивший революцию» в музыке и одежде, оказывается, в свои золотые годы «пел» также для полицейских управлений Мемфиса и Лос-Анджелеса и лез вон из кожи, чтобы «петь» и для ФБР. Все это неопровержимо доказано документами (86 страниц), с которыми журнал «Эуропео» смог ознакомиться в архивах ФБР.

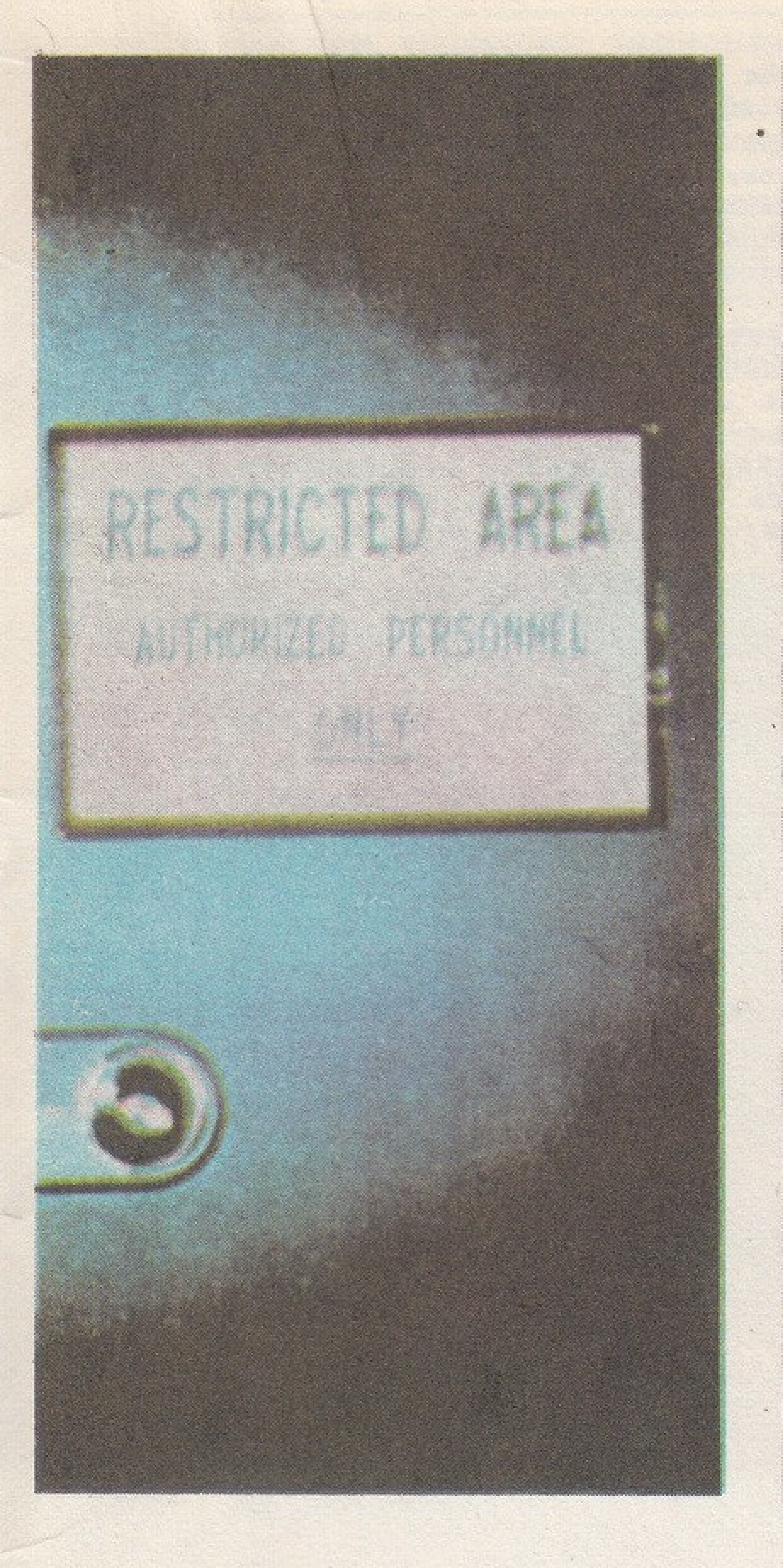
...21 декабря 1970 года сенатор-республиканец от штата Калифорния Джордж Морфи позвонил начальнику управления расследований ФБР М. А. Джонсу и уведомил его, что знаменитый певец, который летел вместе с ним в самолете из Лос-Анджелеса в Вашингтон, высказал горячее желание встретиться с директором бюро Эдгаром Гувером. Он, Морфи, поддерживает такую встречу потому, что «Элвис — славный парень, он сильно озабочен моральным упадком в стране и готов включиться в активную борьбу против его дальнейшего распространения, особенно среди молодежи».

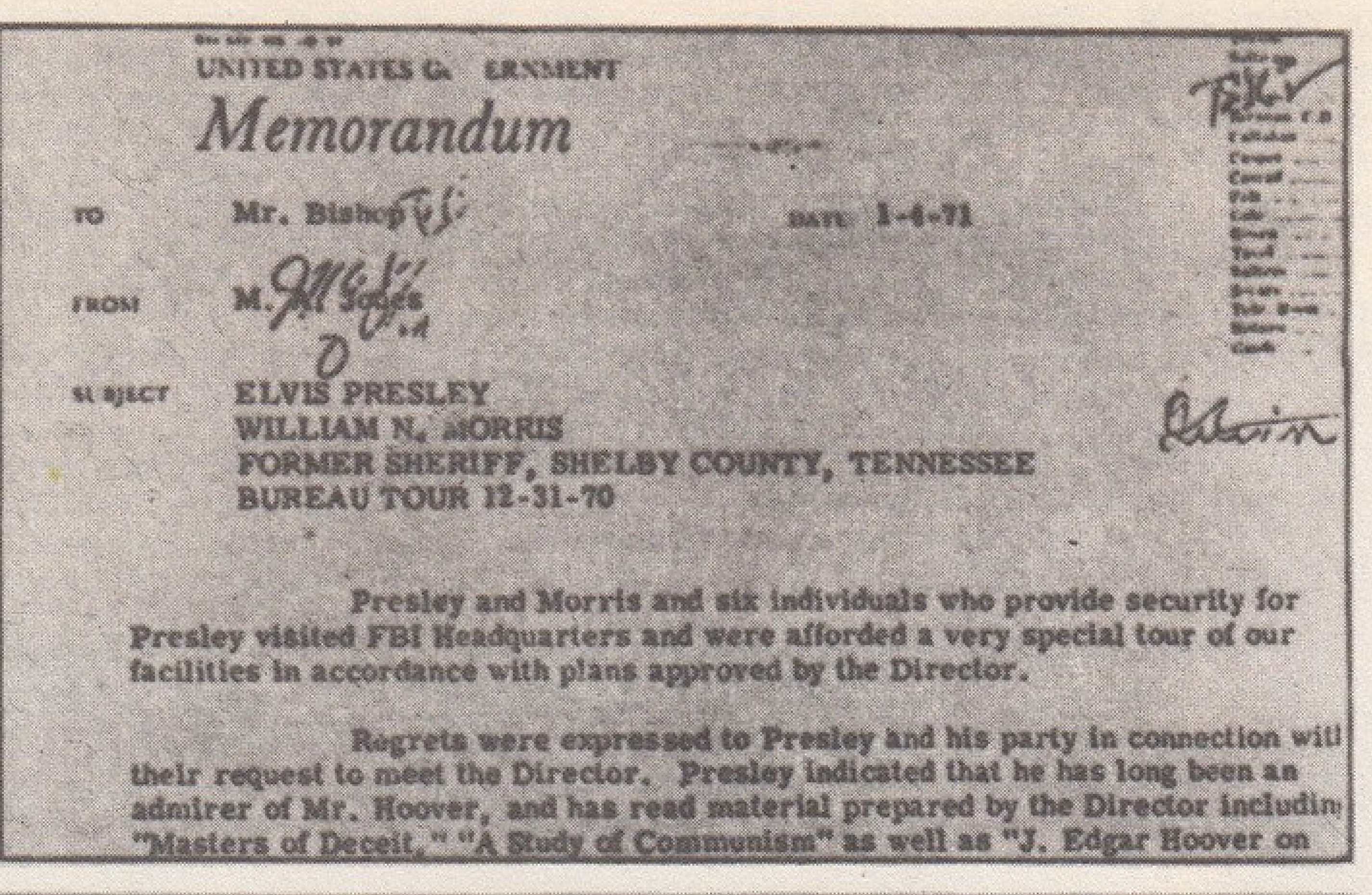
Но, оказывается, Эдгара Гувера в этот момент нет в столице и не будет до конца года. Тем не менее М. А. Джонс звонит по телефону Элвису Пресли, выражает ему сожаление от имени своего шефа, поскольку тот не может сейчас встретиться с певцом, и благодарит за доверие к ФБР. Элвис настаивает: он объясняет Джонсу, что сильно обеспокоен действиями инакомыслящих, что благодаря его дружеским отношениям с многочисленными представителями молодого поколения он мог бы поставлять ценную информацию и что ему хотелось бы «быть полезным». Короче говоря, Пресли хочет стать агентом ФБР, он не скрывает этого и на всякий случай оставляет Джонсу кодированный адрес для переписки: полковник Ион Берроуз, 3764, Хайвэй, 51, Южный Мемфис, штат Теннесси.

30 декабря 1970 года бывший шериф графства Мемфис Уильям Моррис, который на протяжении многих лет сохранял самые лучшие отношения с ФБР, звонит в Вашингтон заместителю директора ФБР Касперу и сообщает ему о желании своего «большого друга Элвиса Пресли» посетить на следующий день штаб-квартиру бюро. Моррис объясняет Касперу, что «Пресли получил от президента Никсона медаль за участие в борьбе против употребления наркотиков и за помощь в разрешении других проблем, стоящих перед молодежью в районе Биверли Хиллс в Лос-Анджелесе».

Но, судя по записям, в ФБР к певцу пока еще относятся настороженно, как к человеку из другого мира, — бюрократическая Америка не привыкла доверять Америке зрелищ: «Отдавая должное искренности и благонамеренности Пресли, нужно отметить, что он явно не тот тип, с которым захотел бы встретиться директор. Нельзя не заметить, что он носит волосы до плеч и чрезвычайно экстравагантное платье. Прилагается фотография Пресли, взятая из сегодняшнего номера «Вашингтон пост»: она отлично показывает, каковы поведение Пресли и его манера одеваться».

Тем не менее визит рвущегося в агенты ФБР кумира молодых состоялся — в последний день 1970 года. Пресли сопровождали шесть его личных телохранителей и Уильям Моррис. Элвис покоряет высших чинов ФБР. Процитируем некоторые отрывки из записки по поводу этого визита: «Пресли считает себя давнишним

UNITED STATES GOVERNMENT

Memorandum

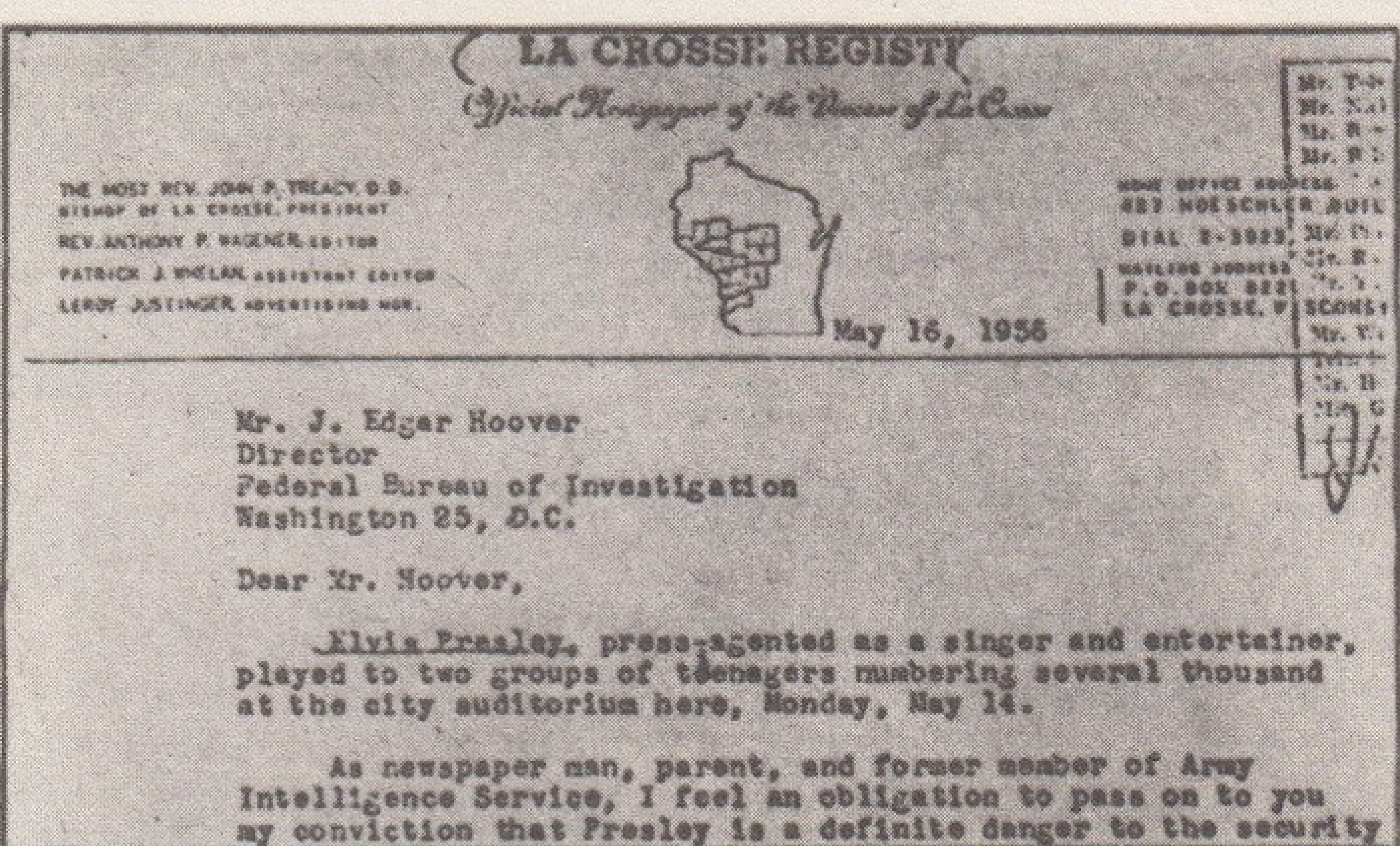
TO Mr. Bishop DATE: 1-4-71

FROM M. A. Jones

SUBJECT ELVIS PRESLEY
WILLIAM N. MORRIS
FORMER SHERIFF, SHELBY COUNTY, TENNESSEE
BUREAU TOUR 12-31-70

Presley and Morris and six individuals who provide security for Presley visited FBI Headquarters and were afforded a very special tour of our facilities in accordance with plans approved by the Director.

Regrets were expressed to Presley and his party in connection wit[h] their request to meet the Director. Presley indicated that he has long been an admirer of Mr. Hoover, and has read material prepared by the Director includin[g] "Masters of Deceit," "A Study of Communism" as well as "J. Edgar Hoover on

LA CROSSE REGISTER

Official Newspaper of the Diocese of La Crosse

THE MOST REV. JOHN P. TREACY, D.D. BISHOP OF LA CROSSE, PRESIDENT
REV. ANTHONY P. WAGENER, EDITOR
PATRICK J. WHELAN, ASSISTANT EDITOR
LEROY JUSTINGER, ADVERTISING MGR.

May 16, 1956

Mr. J. Edgar Hoover
Director
Federal Bureau of Investigation
Washington 25, D.C.

Dear Mr. Hoover,

Elvis Presley, press-agented as a singer and entertainer, played to two groups of teenagers numbering several thousand at the city auditorium here, Monday, May 14.

As newspaper man, parent, and former member of Army Intelligence Service, I feel an obligation to pass on to you my conviction that Presley is a definite danger to the security

Фотокопии хранящихся в архивах ФБР записей по поводу Пресли: письмо в ФБР одного из посетителей концерта певца, в котором он утверждает, что Элвис Пресли «представляет определенную опасность»; записка сотрудника ФБР М. А. Джонса, в которой он заверяет, что Пресли, напротив, настроен вполне лояльно и даже более... (Текст этой записки цитируется в материале.)

поклонником Эдгара Гувера и читал такие книги директора ФБР, как «Мастера обмана», «Исследования о коммунизме» и «Гувер о коммунизме». Пресли заявил, что, по его мнению, никто не сделал столько для страны, как Эдгар Гувер, и что он считает директора ФБР самым великим из ныне живущих американцев».

Далее в записке говорится: «Несмотря на свой более чем странный внешний вид, Пресли серьезный и искренний парень, который озабочен проблемами, стоящими перед молодежью. Он доказал на собственном примере, что Америка — это страна огромных возможностей, так как сумел из простого водителя грузовика стать звездой эстрады. Пресли признался, что длинные волосы и странная манера одеваться — всего лишь хитрости его бизнеса, и предложил указать на многочисленных молодых людей из числа своих друзей-артистов, настроенных против установленного порядка, хотя с ними он поддерживает вполне нормальные дружеские отношения. Пресли выразил желание доложить Гуверу, что он время от времени вступает в контакт с людьми как из артистического мира, так и вне его, чьи интересы не соответствуют интересам страны, что может вовлечь их в деятельность сомнительного характера. В этой связи он вызвался поставлять конфиденциальную и секретную информацию. Кроме того, он попросил передать директору ФБР, что если у ФБР возникнет необходимость в его услугах, то он будет просто счастлив оказать любую помощь».

Элвис нападает на своих коллег, которые принимают активное участие в социальных и политических конфликтах. Вот что говорится по этому поводу в записке: «Пресли выразил мнение, что «Битлз» несут ответственность за многие нынешние молодежные проблемы из-за своих постыдных антиобщественных выступлений в 60-е годы. Кроме того, он заявил, что Джейн Фонда и другие подобные ей представители артистического мира отравили сознание молодежи, очернили Соединенные Штаты своими публичными заявлениями и своей отвратительной деятельностью». В то время Джейн Фонда, «Битлз» и другие выступали против войны во Вьетнаме.

Высшие чины ФБР вне себя от радости и тут же меняют свое мнение о личности Пресли. Вот что они пишут: «Пресли произвел на нас впечатление искреннего молодого человека, осознающего многочисленные проблемы, которые стоят перед нашей страной. Принимая во внимание занятую им особую позицию в артистическом мире, его мнение о директоре ФБР и самом бюро, его искреннее желание сотрудничать с нами и признание его заслуг со стороны президента Никсона, мы предлагаем направить ему письмо от имени директора».

4 января 1971 года Эдгар Гувер собственноручно пишет письмо Элвису Пресли на адрес вымышленного полковника Иона Берроуза: «Прошу Вас извинить меня за то, что не смог встретиться с Вами во время Вашего посещения нашей штаб-квартиры. Надеюсь, Вам у нас понравилось. Ваше любезное мнение о нашем бюро мы высоко оценили, и я заверяю Вас, что мы постоянно помним Ваше предложение о сотрудничестве с нами. Искренне Ваш Эдгар Гувер».

Что это было за «сотрудничество» — мы пока не знаем, так как информация об этой стороне деятельности Пресли все еще составляет государственную тайну. Однако совершенно ясно, что письмо Гувера — это, несомненно, доказательство того, что «бунтующий» герой рок-н-ролла, человек, которому так верили молодые американцы, был осведомителем ФБР.

Перевел с итальянского
Л. КАНЕВСКИЙ

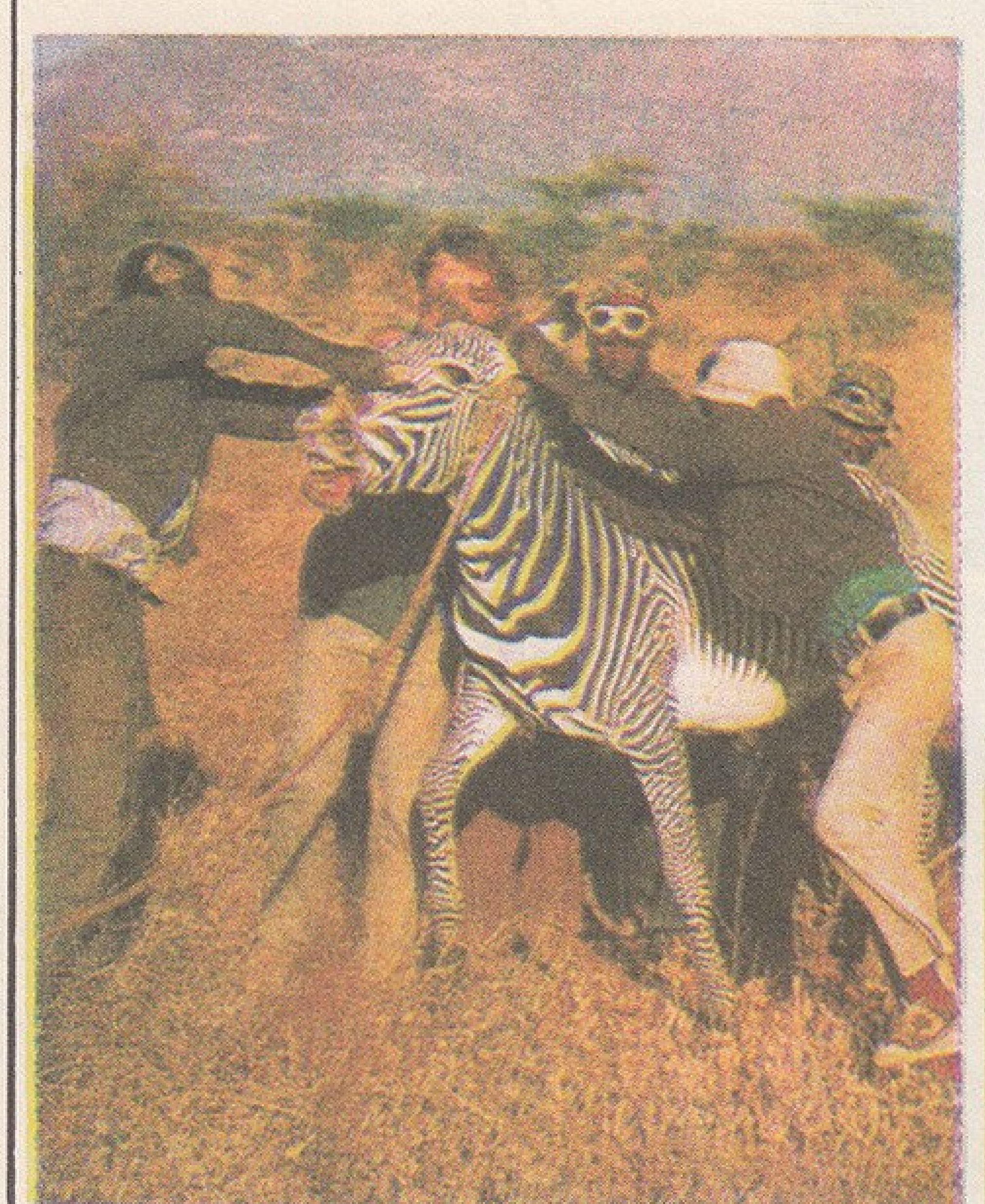
«Эуропео», Милан

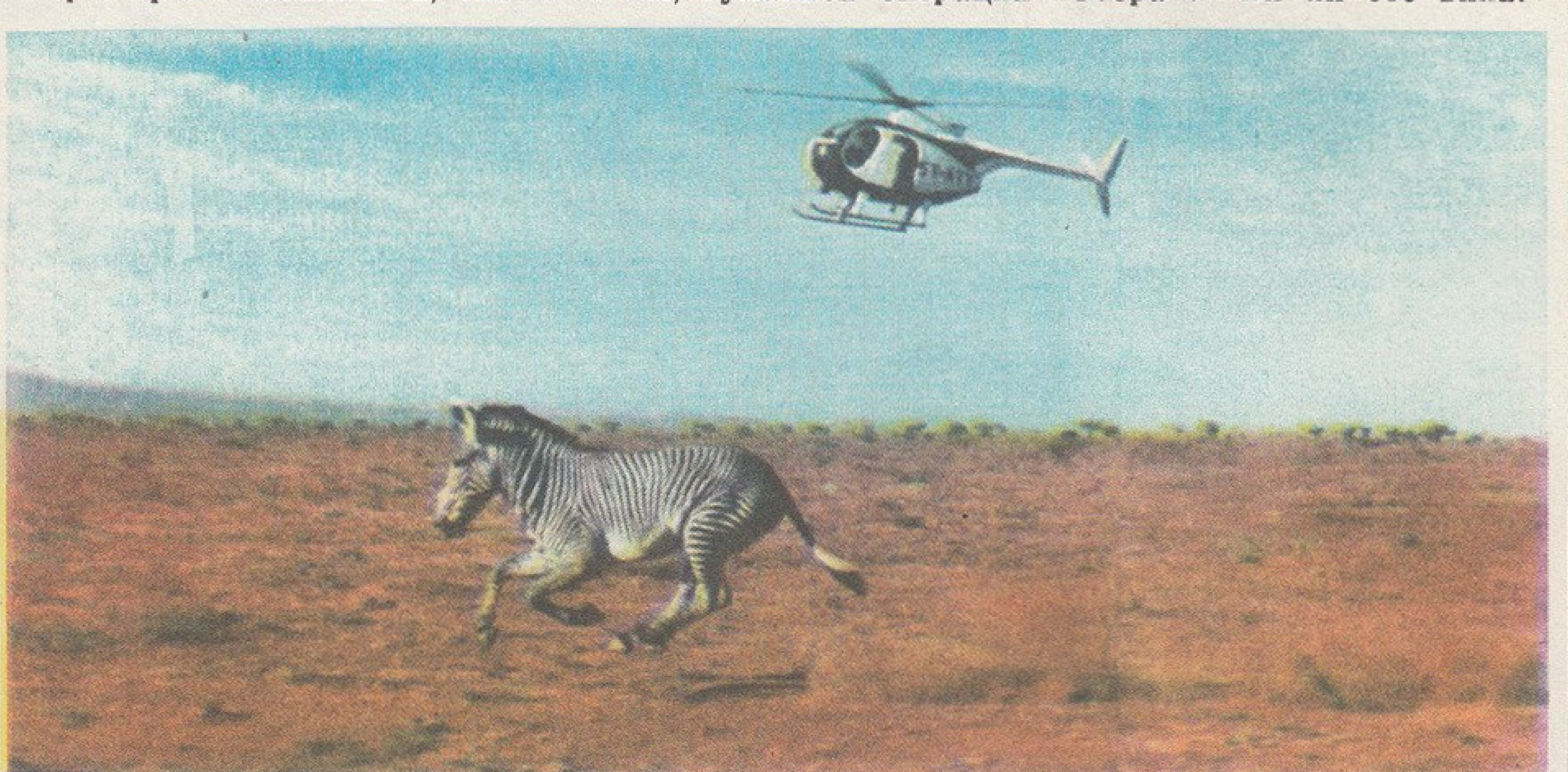
ОПЕРАЦИЯ НА ЗЕБРАХ?

Операция «Зебра» началась в 1977 году, и поводом для нее стали такие соображения: площадь распространения королевской зебры (или зебры Греви) под давлением цивилизации сокращается, и число зебр поэтому стремительно тает — их осталось что-то около полутора тысяч. К тому же серьезнейшую опасность представляют браконьеры.

Короче, мотивы казались серьезными, а средства спасения — идеальными. Зебр отлавливали с помощью лассо, заталкивали в клетку и перевозили с севера Кении на юг, в национальный парк Тсаво Уэст. К весне 1978-го в Тсаво было доставлено 36 зебр. Из них в живых остались лишь четыре...

Что же случилось в Тсаво? Тут, увы, нет никакой детективной истории, тут продолжается долгая, драматичная история сложных взаимоотношений природы и человека. Немало животных гибнет уже во время погони — сгорают легкие, поражает сердечный приступ, но еще больше их гибнет позже — от перенесенного шока пленения. Да и новая местность оказалась для зебр неудачной — повышенная влажность, непривычная растительность, даже хищники, говорят ученые, оказались не те. Не все, как видите, зебры приспособились к, казалось бы, гуманной операции «Зебра». Их ли это вина?

ФАРАОН В НЬЮ-ЙОРКЕ

В фильме «Король в Нью-Йорке» Чаплин рассказал о бывшем монархе, которого лихо взяли в оборот дельцы от рекламы. Нечто похожее происходит сейчас с реальной исторической личностью, правда, жившей в иные времена, тридцать три века тому назад. Речь идет о египетском фараоне Тутанхамоне. Поводом для рекламного бума служит гастролирующая по городам США выставка «Сокровища Тутанхамона». Кич а-ля фараон (то бишь крикливые поделки с использованием изображения Тутанхамона — от бутылок виски до собачьих попонок) уже принес торговцам барыш в 200 миллионов долларов. А выставке предстоит еще побывать в Торонто и Сан-Франциско, потом в Западном Берлине, Кёльне, Мюнхене, Ганновере. Фараону работать и работать...

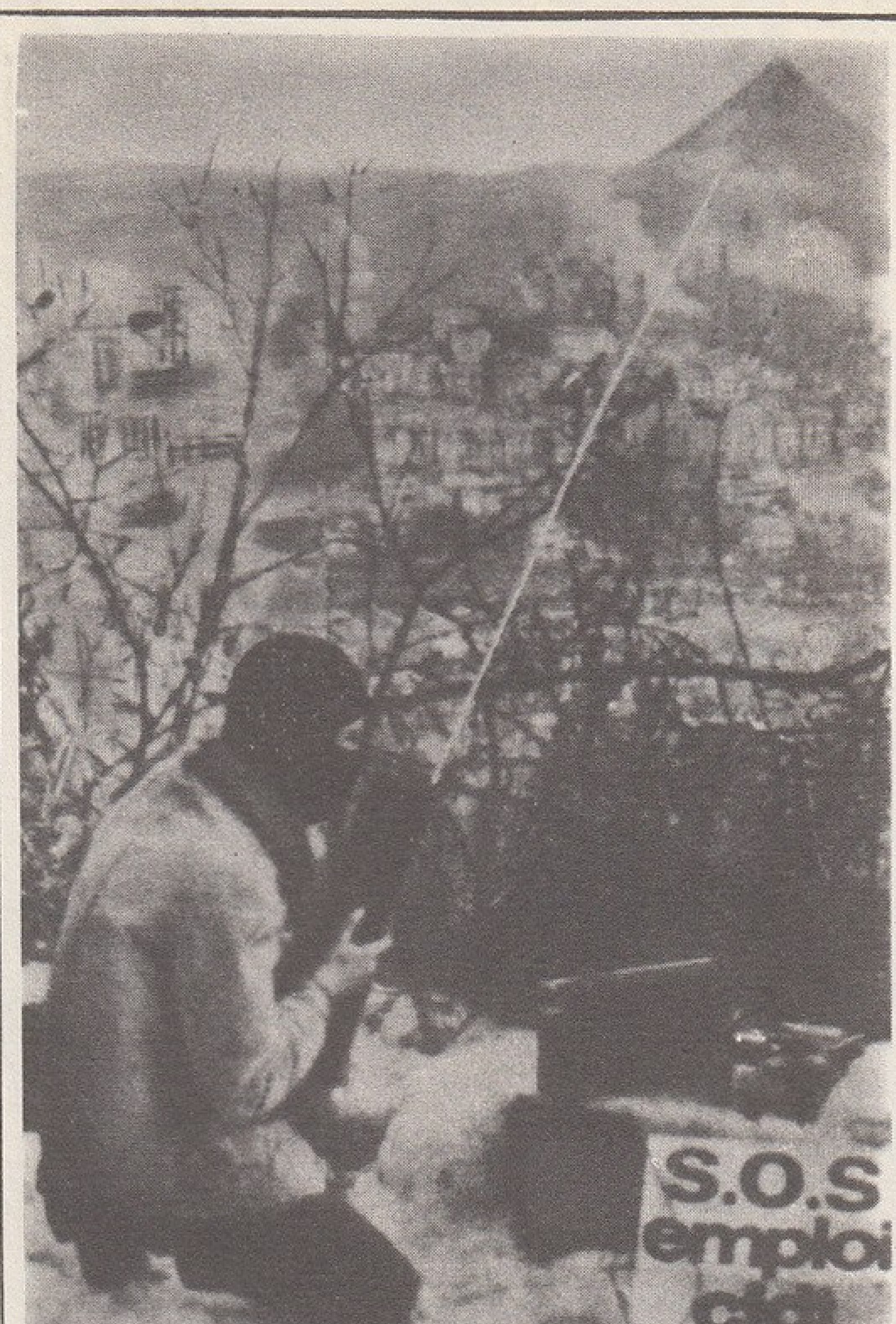

МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Мировой кинематограф знает немало примеров того, как актеры «эмигрировали» в режиссуру. Может быть, одна из причин — невозможность высказаться до конца, когда ты пусть и блестящий, но все же исполнитель роли — воли сценариста, режиссера. Пошла по этому пути и знаменитая французская актриса Жанна Моро.

Вы видите ее в момент режиссерской работы над фильмом «Подросток». Фильм этот о взрослении и еще о красоте родной земли, о той самой французской провинции, из которой вышла сама Жанна. «Я вспоминаю ту жизнь с благодарностью, она мне кажется островком счастья — может быть, потому что потом пришла война? Я хотела бы, чтобы, посмотрев мой фильм, взрослые с доброй улыбкой вспомнили себя, свой дом, а юным я хочу сказать: остановитесь на мгновение, не спешите, оглядитесь: это время, это дерево, эта песчинка неповторимы».

НЕ ВОЗДУХОМ ЕДИНЫМ...

Дым над заводскими трубами... Неприятная картина. Чистое голубое небо с белыми облачками куда красивее да и здоровее. Вряд ли кто-нибудь станет это оспаривать. Вот в маленьком городке Лонгви в Лотарингии взяли и реконструировали металлургический завод «Юзинор». Дым почти исчез. Казалось бы, все прекрасно... Но свежий воздух не радует многих жителей Лонгви. Ведь вместе с дымом исчезла добрая половина рабочих мест...

Жизнь в городке замерла. Безработные собрали свою портативную радиостанцию и каждое утро посылают в незагрязненный эфир сигналы бедствия: SOS! SOS! — одним чистым воздухом сыт не будешь...

КАРНАВАЛ — ДЕЛО ЖИТЕЙСКОЕ...

И в самом деле — каких только лиц нет на свете! А уж на карнавале — что ни маска, то на другую непохожа! И у каждой своя история, свой смысл — веселый и грустный, насмешливый и едкий. Словом, ожившие сказки — ложь, да в них намек...

В последнее время по Италии прокатилась волна карнавалов. Хороший признак, говорят одни: люди веселятся. Дурной признак, говорят другие, ссылаясь на исторический опыт, из которого якобы следует, что карнавалы становятся популярны тогда, когда людям особенно хочется хоть ненадолго «отключиться» от наседающих со всех сторон забот и тревог. Вот и надеваются маски, скрывающие тревожные лица...

ОТ НЕЛЕПОГО ДО НЕОБХОДИМОГО — ОДИН ШАГ

75 процентов мировой продукции выпускается по патентам — об этом сообщил миланский журнал «Эуропео», предваряя репортаж о выставке продукции, не запатентованной нигде в мире.

Вот элегантные сапоги со встроенными в голенище лампочками, вот ортопедический матрас, «непотеющая стелька», автоматический спиннинг для сонливых рыболовов, галстук с карманом и взаимозаменяемая обувь...

Все ли изобретения столь легкомысленны (хотя, быть может, и не бесперспективны)? Нет, разумеется. Изобретатели живут в своем веке и в своей стране: вот способ преобразовывать термическую и солнечную энергию в электрическую, вот устройство для обнаруживания подслушивающих устройств, а вот несложный механизм (уж не замок ли?), применив который хозяин телефона может спокойно спать: теперь никакой ловкач не поговорит по его аппарату бесплатно.

ХОББИ. К славному отряду коллекционеров и любителей старины примкнула еще одна группа — «паровозофилы». Тоска по добрым старым временам, когда не было сверхскоростных поездов, синтетического мяса, аллергий и прочих «прелестей» современной цивилизации, заставляет их записывать на пленку добродушное пыхтенье и фотографировать чумазые физиономии старреньких локомотивов — ведь скоро они исчезнут совсем. И когда управление железных дорог Японии объявило, что три паровоза отправятся в прощальное путешествие, около 600 фанатиков набились в неудобные вагончики, чтобы проводить любимцев в последний путь. Правда, паровозофилов несколько утешает тот факт, что в Киото организуется выставка локомотивов. Да еще в парке возле Токио проложили колею, по которой со скоростью 12 километров в час бегает миниатюрный паровозик — к радости перепачканных угольной пылью взрослых и детей.

Кому не знаком мышонок Микки-Маус, юркий непоседа на коротких ножках, в непомерно больших башмаках, с носиком-пуговкой на любопытной мордочке? Кто не улыбался, глядя на беспечно танцующих и напевающих песенку «Нам не страшен серый волк» трех розовых поросят? Что же касается ретивого неудачника и завистника Серого Волка, то его, увидев однажды, запомнил на всю жизнь каждый.

Все эти и другие всемирно знаменитые персонажи забавных, остроумных, человечных и мудрых киносказок рождены искрометной фантазией замечательного американского художника-мультипликатора Уолта Диснея (1901—1966). Он привел их на киноэкраны мира, откуда они затем перекочевали на страницы книг, иллюстрированных журналов, на ребячьи трусики и майки, превратились в любимые детские игрушки. Впрочем, эпитет «детские» здесь не вполне точен. Персонажей диснеевских кинолент любят и взрослые. В их приключениях, таких незамысловатых на первый взгляд, нередко открывается нечто большее, чем просто забавная история: раздумье о жизни человеческой, ее радостях и горестях, о людях, их нравах, характерах, обычаях.

У миллионов зрителей всех континентов огромным успехом пользовался фильм Диснея «Бемби», созданный в 1942 году. Картина вышла на экраны в самый разгар войны с фашизмом. В те дни поэтическая притча о том, как прекрасна мирная жизнь, сколько красоты открывается в ней чуткому и любящему сердцу и как страшно вторжение в эту жизнь хищного зверя, не могла не трогать, не волновать и тех, кто только вступал в жизнь, и тех, кто уже немало испытал и передумал. Малыши восхищались наивным олененком Бемби и счастливо хлопали в ладоши и смеялись, когда он пугался легкокрылой бабочки, плакали, когда Бемби терял маму, а у взрослых те же кадры вызывали иной круг представлений и ассоциаций, затрагивали многое из того, самого сокровенного, что мы называем духовными ценностями, которые, как и вся человеческая жизнь, были поставлены под угрозу в те годы исторических испытаний.

Дисней — блестящий рисовальщик, фантазер, художник подлинно гуманистического таланта — только таким и остался бы в нашей памяти, если бы страна, в которой он родился и вырос, ее общество, нравы и законы не наложили свой отпечаток и на его жизнь. Этот мечтатель и поэт был еще и предпринимателем, бизнесменом, владельцем огромной мультипликационной империи. Возможно, Дисней не мог и предвидеть, к чему приведут, во что обернутся некоторые из его начинаний, одним из которых было создание «Диснейленда» («Страны Диснея»).

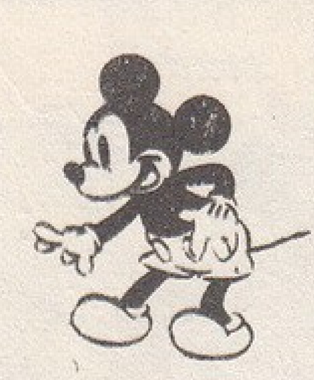
Публикуемая ниже статья американского публициста Майкла Харрингтона «Да здравствует искусственное счастье?» показывает, во что объективно превращаются порой мечты художника, когда на них падает тень золотого тельца.

Георгий КАПРАЛОВ,
кандидат искусствоведения

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИСКУССТВЕННОЕ СЧАСТЬЕ?

Майкл ХАРРИНГТОН,
американский публицист

Первого октября 1978 года Политический деятель прибыл в «Диснейленд» на «Экономическое совещание частных предпринимателей на высшем уровне».

Он стоял перед реальным воплощением сказки — Замком Золушки, который возвышается над Волшебным королевством, созданным Уолтом Диснеем в центре Флориды на площади в 1200 гектаров. Политический деятель рассказывал двум с половиной тысячам участников совещания о своей глубокой вере в капитализм. Потом, простирая руку над парком, признался: «Я с нетерпением ждал встречи с «Фэнтэзиленд» («Страной фантазии». — *Примеч. пер.*), потому что это главный источник вдохновения для моих экономических советников».

Типично американская парадность происходящего, без сомнения, была понятна присутствующим. Еще бы, все атрибуты на месте. Позирование фотографам. Восхваление Частного Предпринимательства. Обязательное остроумие. И даже веселая семейная история. Политическому деятелю во Флориде исполнялось 54 года. Он позвонил своей дочке Эми и сообщил, что в «Диснейленде» они будут отмечать день рождения одного из «самых великих и обожаемых лидеров в мире». «Да, папочка, я знаю, — ответила она. — Микки-Маусу исполняется пятьдесят».

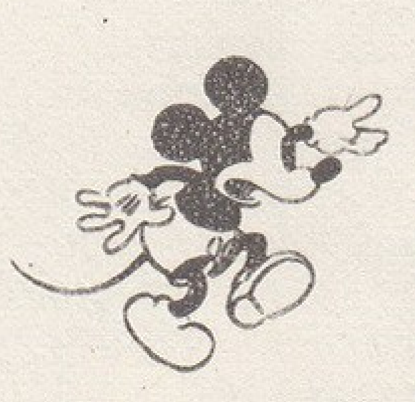

Читая отчеты об этом спектакле, трудно удержаться от мысли, что его устроители избрали подходящее место для разговоров о модных идеях американского будущего. Мир Диснея — эта корпоративная утопия, претенциозная комната смеха с явным социальным смыслом — воплощает современную мечту американского бизнеса, несмотря на свою очевидную искусственность. И, по-моему, слова о том, что «Фэнтэзиленд» — это «главный источник вдохновения для экономических советников», — лишь наполовину шутка. Поэтому я предлагаю принимать капиталистическую сказку Диснея всерьез. Весьма возможно, что крошка Эми не единственный обитатель корпоративного Олимпа, который верит в Микки-Мауса.

На первый взгляд «Диснейленд» не имеет никакого отношения к политике. Это утонченный, сложный и бездумный карнавал, в котором с 1971 года с удовольствием участвовали 80 миллионов человек. Прогулки по паркам Диснея и аттракционы привлекают и детей и взрослых, которые, кстати сказать, составляют две трети посетителей. Кто сейчас, по крайней мере по фотографиям, не знаком с неправдоподобно аккуратной Мэйн-стрит — традиционной американской Главной улицей, с ковбойскими «салунами», где подают мороженое, с немым кино и конкой, за которой тяжелой по-

ступью бредут уборщики по направлению к Замку Золушки, затем к «Эдвенчерленд», «Фронтирленд», «Фэнтэзиленд» и «Туморроуленд» [1]?

Менее броские черты созданного Диснеем мирка разглядеть не так просто. Однако их замечали многие вдумчивые наблюдатели, которые приезжали туда, чтобы полюбоваться техникой будущего: монорельсовой дорогой, чьи вагончики, оснащенные кондиционерами, бесшумно катятся вокруг Волшебной страны, или подземным мусоропроводом, в который засасываются отходы и со скоростью 60 миль в час уносятся к центральной подземной свалке. Эти черты зачаровали архитектурных критиков и создателей новых городов. В мире Диснея они видят прообраз мира будущего. Как сказал один западногерманский журналист, «наших строителей, архитекторов, а в первую очередь городские власти надо заставить выведать у сотрудников Волшебного королевства — даже если их для этого придется заковать в цепи, — как они создали такую окружающую среду, в которой расцветают благосостояние и улыбки».

Как только Политический деятель закончил речь, на горнистов в средневековых костюмах, игравших марш «Привет вождю», хлынул тропический дождь. Политического деятеля и прочих поспешно эвакуировали в Замок Золушки. Лондонский «Экономист» писал: «2500 магнатов были спасены от воспаления легких благодаря невероятной расторопности молодых людей — служащих Волшебной страны». Журнал сделал следующее заключение: «Если бы Микки-Мауса повсюду избрали мэром, то эффективность деятельности местных властей возросла бы на несколько сотен процентов».

Это не просто хлесткая фраза. Дело в том, что идиллический технизированный мир Диснея как в зеркале показывает нынешние утопические надежды капитализма. В Волшебном королевстве «имиджинеры», так их называют на диснеевском наречии, с помощью компьютеров конструируют разные увеселения, исходя из стремления к наибольшей прибыли. Конечная цель, ни больше ни меньше, — полный контроль над материальной и духовной средой. В сказочной стране запрещено вмешательство политики и государства. Это ли не мечта американского бизнеса? Бизнесмены уверяют себя, что этот наполненный приносящими прибыль забавами мир и есть Экспериментальная модель общества будущего (на диснеевском профессиональном языке — ЭМОБ).

Конечно, это сказка, и все же, если игрушечная Главная улица и не

---

[1] *«Страна приключений», «Страна приграничная», «Страна фантазии», «Страна будущего».* — *Примеч. пер.*

ведет в будущее, куда устремляли ее создатели, то уж, во всяком случае, воплощает наиболее отчетливые стремления конца 70-х годов: поиски аполитичного, технократического разрешения проблем, которые стоят перед американским обществом. Сталкиваясь с инфляцией и упадком экономики, с которыми нельзя справиться с помощью любой из принятых ныне в нашей стране теорий, читая сообщения о бунтах налогоплательщиков, политические деятели начинают верить в возрождение «невинного», «старомодного» свободного предпринимательства и в счастье, которое принесут добрые духи «а-ля Голливуд 30-х годов». Поэтому более чем уместным было провозгласить свою приверженность этому перед одним из храмов мечты — Замком Золушки.

Давайте вернемся лет на пятьдесят назад. Детские годы Уолта Диснея, по вполне достоверным сведениям, прошли на ферме возле небольшого городка на реке Миссури, и в том городке была настоящая Главная улица. Потом наш герой переехал в Калифорнию и, претерпев ряд злоключений, как, например, сражение с банкирами, которые прибрали к рукам первый персонаж его мультфильма, утвердился среди ведущих художников Голливуда. Успех пришел, но с ним пришли и неприятности. Вскоре профсоюзы разрушили семейное спокойствие диснеевских студий. В 1941 году Дисней встретился лицом к лицу с пикетчиками, которые держали в руках плакаты, вопрошавшие: «Кто же мы все-таки — мыши или люди?» После этого он начал становиться все более и более консервативным. В конце 40-х годов Дисней принимал участие в деятельности «Союза кинематографистов за сохранение американских идеалов». Эта организация объединяла всех реакционеров Голливуда.

В 1948 году Дисней начал мечтать о создании нового увеселительного парка, который бы отличался от всех уже существовавших. Встретившись с финансовыми трудностями, он нашел кредит, хотя тогда и не обладал реальной возможностью погасить этот долг, и в 1955 году открыл «Диснейленд» в Энхайме, штат Калифорния. Успех предприятия был мгновенный. Но все-таки возник ряд проблем. Площадь участка, где раньше росла апельсиновая роща, была невелика, всего 64 гектара. Это означало, что Дисней не может контролировать окружение парка. «Единственное, что я вынес из опыта старого «Диснейленда», — позднее замечал он, — так это то, что необходимо контролировать окружение. В противном случае тебя начинают винить за то, что делают другие. Люди едут сюда (в нынешний «Диснейленд») потому, что мы контролируем абсолютно все. Не будь наши владения столь обширны, хозяева маленьких гостиниц на границе «Диснейленда» сразу бы втрое подняли цены».

Контроль. Вот ключ к пониманию мира Диснея и к диснеевскому пониманию будущего. Еще когда Дисней разрабатывал проект своего Волшебного королевства, он говорил о необходимости оградить его от всяческого вмешательства со стороны. Умудренный опытом первого «Диснейленда», он решил перенести свой Новый Мир во Флориду и там полностью изолировать его от внешнего влияния. Дисней сумел купить более 10 тысяч гектаров земли, из которых в настоящее время разработаны только 1200. Таким образом, все соперники и паразиты (или, иначе выражаясь, другие свободные предприниматели) удерживаются на почтительном расстоянии. К тому же Дисней сумел воспользоваться лазейками в законодательстве штата Флорида и сделать свой Волшебный мир почти суверенным государством внутри государства.

Но это только начало контроля. В мире Диснея запрещены орехи, жевательная резинка и леденцы. Все это — источники мусора, а Дисней не хотел, чтобы в стране его мечты сорили. Питейных заведений здесь тоже не найдешь, хотя эти глубоко почитаемые учреждения играли не последнюю роль на Главных улицах Америки (но спиртное можно приобрести в гостиницах, расположенных вне территории парка). В результате этого запрета на Главной улице практически не встретишь пьяных дебоширов, и уровень преступности здесь чрезвычайно низок.

В «Диснейленде» работают молодые люди, которые постоянно улыбаются. Среди них, как мне кажется, необычайно много голубоглазых и светловолосых. Все они одеты в форму, разработанную диснеевскими модельерами и сшитую местными портными. Длинные волосы и усы запрещены. Конечно, в этом еще ничего особенно зловещего нет. Если Уолт Дисней и его сотрудники считали нужным запретить жевательную резинку, ограничить пьяниц и нанимать на работу людей определенной наружности, так что же в этом плохого? В самом деле, Волшебное королевство и должно быть аккуратней, чище и спокойней обычных увеселительных парков.

Но вспомним диснеевские слова об ЭМОБе: «Это будет сообщество, в котором все планируется и контролируется. Оно будет служить примером для американской промышленности, науки и культуры. Здесь не будет трущоб, потому что мы просто не дадим им образоваться. Здесь не будет землевладельцев, а значит, и разногласий. Все будет решать компания. Люди будут снимать дома за небольшую плату, вместо того, чтобы покупать их. Пенсионеров не будет. Все должны работать. Это наше основное требование: все, кто живет в ЭМОБе, должны способствовать его жизнедеятельности».

В этом заявлении, которое и до сих пор является евангелием в мире Диснея, уже проявляются тоталитарные черты его утопии. Конечно, если ты можешь вложить 700 миллионов долларов в кусок земли размером с Лихтенштейн и разрешаешь жить там лишь кучке граждан-сотрудников, то легко запретить трущобы, пенсионеров и другие социальные неурядицы. Только не совсем понятно, какое отношение подобные эксперименты имеют к реальному обществу будущего. При том, что даже эта утопическая попытка добиться полного контроля над мини-обществом не увенчалась успехом. Когда я последний раз был в «Диснейленде» в июле 1978 года, я видел, как пикетчики профсоюза служащих гостиниц и ресторанов медленно ходили взад и вперед около отеля Ройял-Плаза. Это была первая забастовка в Волшебном королевстве, но, если верить лондонскому «Экономисту», не последняя. «Работа в «Диснейленде», — писал тогда «Экономист», — оплачивается невысоко, к тому же многих берут лишь временно. Большинство служащих приезжает сюда издалека каждый день. В «Диснейленде» есть роскошные виллы, а вот дешевого жилья для служащих нет».

Страдают здесь не только служащие. Посетителям тоже порой приходится несладко. Волшебное королевство давно хвалят за его монорельсовую дорогу. Она была удостоена специальной премии департамента транспорта. И действительно, в парке, где скорость передвижения от аттракциона к аттракциону имеет непосредственное отношение к доходам, монорельсовая дорога решает многое. Но дело-то в том, что монорельсовая дорога и прочие райские вещи — они внутри парка. А что творится вне его...

Столь же неблагополучно обстоит дело и с детьми, которые, хотя бы теоретически, должны быть здесь в центре внимания. Ведь это царство мечты построено на их более чем полувековом пристрастии к своим любимым героям. Конечно, вряд ли можно винить «Диснейленд» в том, что взрослые грубияны отпихивают детей с самых удобных мест во время парадов и других празднеств. В конце концов, это реальность американской жизни: любовь к детям чисто показная, на самом деле их оттесняют на задний план, остав-

ляют им не слишком много возможностей. Но когда я говорил с несколькими чиновниками в «Диснейленде» о том, как бы попытаться обеспечить детям доступ на детские представления, отклика не встретил. К прибыли это не имеет никакого отношения. А значит, и заботиться тут не о чем.

Мир Диснея, освободившись от давления извне, играет своими служащими, посетителями и их детьми, как пешками на шахматной доске. И не кажется ли вам, что это еще одно яркое и немного необычное проявление капиталистической мечты? Разве все предприниматели не хотели бы настолько преуспеть, чтобы изгнать конкурентов и избавиться от всех властей? Ведь конкуренция вынуждает американский бизнес тратить 45 миллиардов долларов в год на рекламу (ненамного меньше государственных ассигнований на здравоохранение и образование). Любая корпорация мечтает о том, чтобы диктовать свою волю покупателю во имя свободного предпринимательства. Новизна идеи Диснея заключается лишь в том, что он приобрел достаточно земли для того, чтобы его голос был единственным в крошечном королевстве.

Я не стал бы так подробно разбирать замысел Диснея, если бы он не отражал популярные идеи 70-х годов. Именно поэтому я отношусь к претензиям создать в Волшебном королевстве Экспериментальную модель общества будущего серьезно. Дальнейшее развитие ЭМОБа, по предварительным расчетам, обойдется в один миллиард долларов. Проект будут финансировать корпорации и правительства некоторых стран. Состоять он будет из двух основных частей. Первая называется «Мир будущего» (над его проектом работает известный писатель-фантаст Рэй Брэдбери), а вторая — «Витрина мира». Здесь, по замыслу авторов проекта, «корпорации и общественность будут участвовать в прямом обмене новыми, захватывающими идеями», однако «говорить» будут корпорации, а «слушать» — публика.

«Витрина мира» включает и развлечения. Например, «Электронный порт путешествий», где туристы смогут набрать на специальном циферблате маршрут и тут же посмотреть на экране свое желаемое путешествие. Будет здесь и «Казино информации», и многое другое. Но как это поможет «углублению взаимопонимания между народами и решению всех их проблем посредством обмена идеями», — мягко выражаясь, не совсем понятно. В 1933 году Дисней говорил, что Микки-Маус — это единственное, по поводу чего Китай и Япония сходятся во мнениях [1]. Вроде бы и неважно, что почитатели мышонка пытались истребить друг друга. Так что все политические и идеологические разногласия создатели надеются оставить за пределами выставки.

В условиях отсутствия идеологии, что само по себе удобная идеология, многие компании берутся представить свои решения насущных проблем: ЭКСОН — энергетических, «Дженерал моторс» — транспортных и т. д. Планируется и выставка, посвященная проблемам моря. Гости взойдут на быстроходное судно под названием «Дух человечества» и, не трогаясь с места, совершат настоящее путешествие по морским глубинам. Первая остановка — у «Морской базы Альфа», где можно увидеть настоящий океан со всеми его обитателями.

Если уж говорить об идеях — будет ли здесь обсуждаться вопрос о морском законодательстве, который уже десять лет вызывает оживленные споры? Будут ли обсуждаться преимущества предложения отдать разработку морских недр частным компаниям или контрдоводы, согласно которым морские глубины — общее достояние человечества? Ответ ясен заранее: нет.

Эта антиидеология есть, конечно, не что иное, как действующая идеология. В ней — ключ к миру Диснея и к американскому политическому сознанию последних лет вообще. «Корпорации могут с помощью новой технологии разрешить все социальные проблемы. Политики должны лишь оставить их в покое и не мешать заниматься делом». Эти слова в разной интерпретации можно услышать по телевидению, прочитать в газетах и солидных академических журналах.

На первый взгляд такой путь представляется вполне правдоподобным. Вот почему у него так много поклонников. Мир Диснея тоже, казалось бы, явно свидетельствует в его пользу. Парк построен над целой системой туннелей, или «Утилидоров» (как называют их в «Диснейленде»). Отопление, водопровод и прочие вспомогательные службы упрятаны под землю. К ним есть удобный доступ. Поэтому в случае ремонта не приходится разрывать улицы. Кондиционеры и отопление в здании компании работают на солнечной энергии, получаемой с помощью специальных приспособлений, установленных на крыше. Остроумная архитектура отелей, монорельсовая дорога, проходящая прямо через холл отеля Контемпорари, совершенная система энергоснабжения, которая работает практически без потерь, и многие другие чудеса есть в «Диснейленде». Иные градостроители и планировщики тут так и замирают как завороженные.

Да, здесь есть чему поучиться. В особенности рациональному использованию природных ресурсов, бережному, дальновидному отношению к окружающей среде. Недаром экспозиция под названием «Космический корабль «Земля» займет одно из центральных мест в ЭМОБе. Все учтено, ничто не пропадет даром. Да здравствует замкнутый цикл! Все, конечно, прекрасно. Только не совсем понятно, что делает «Космический корабль «Земля» в царстве бизнеса? Ведь большой бизнес постоянно жалуется на законы об охране окружающей среды, считает их виновниками снижения продуктивности производства. По мнению корпораций, эти законы подрывают саму систему частного предпринимательства.

Ответ довольно прост. В «Диснейленде» собираются «делиться идеями» и одновременно запрещают идеологию. Идеи будет поставлять большой бизнес. Он, оказывается, вовсе не стремится к наибольшей прибыли, а лишь помогает разрешать проблемы общества! Но ведь за этими «объективными решениями» опять же скрываются разноречивые, собственнические интересы корпораций.

Простой пример из мира Диснея. Пусть посетители добираются как хотят до ворот Волшебного королевства, а уж здесь мы их прокатим с ветерком от одной билетной кассы до другой. Пускай малыши уговорят родителей поехать посмотреть на домик Микки-Мауса, ну а уж то, что взрослые заслоняют им зрелище, не наше дело.

Показывать технологию мало. Компания ЭКСОН, которая собирается демонстрировать свою новую технологию в «Диснейленде», в жизни отказалась разрабатывать эту же технологию.

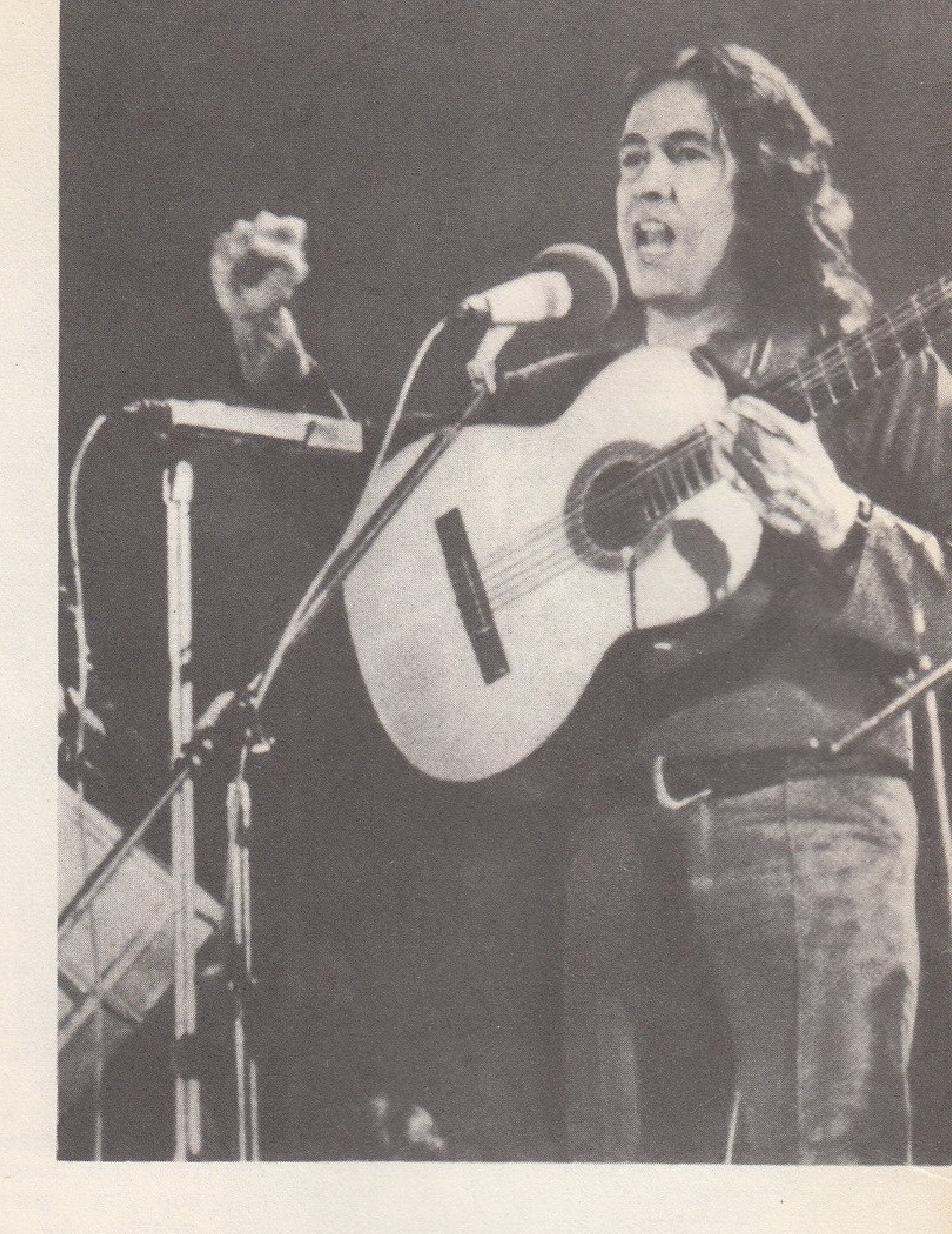
Тут дело обстоит как и с «лунной иллюзией». Некоторые в порыве технологической эйфории вопрошают: «Если мы летаем на Луну, так неужели мы не можем построить приличные города, научить Джонни читать и покончить с бедностью в развивающихся странах?» Те, кто задает этот вопрос, забывают одну простую вещь: на Луне нет людей. Долететь туда — вопрос чисто технический, инженерный. В самом деле, «Диснейленд» чем-то напоминает самодельную луну. Они называют свое королевство, населенное лишь горсткой служителей, «обществом будущего». А в действительности именно изолированность от общества и дает им возможность экспериментировать на своей флоридской луне.

Перевела с английского
Л. ЖУКОВА

---

[1] *С 1931 по 1945 год Япония вела захватническую войну против Китая. — Примеч. ред.*

Никарагуа — площадь 130 тысяч квадратных километров, население — 2,3 миллиона человек. Четверть миллиона из них — безработные. Доход на душу населения — один из самых низких в мире. 300 тысяч никарагуанцев ютятся в лачугах. 65 из каждых ста неграмотны. 40 процентов детей в возрасте от 7 до 12 лет не посещают школу. Средняя продолжительность жизни никарагуанца 35 лет.

«ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА — МОЙ ДОМ»

„...Я вышел из дома на рассвете, одетый в холщовую рубаху, с гитарой в руках. Я нес стихи, их дал мне Партизан, чтобы я их посеял. У меня был прекрасный лозунг: «Петь во имя надежды!»

Когда я уходил из дома, я уносил на губах поцелуи своих малышей, они махали мне вслед с крыльца. Эти поцелуи я храню в своих песнях.

Я вышел из дома навстречу другим народам, чтобы их солидарность с делом моей страны укрепила наши баррикады. Слова, написанные на стенах домов, слова, вырывающиеся из горла крестьянина, рабочего, студента, — это тоже оружие. Наше оружие — это и точный выстрел гитары или куатро [1], мандолины или флейты, это голоса сотен неизвестных певцов, сеющих надежду. И хотя многие из них погибли, другие встали на их место...»

Человеку, написавшему эти строки, сейчас тридцать три года. Десять из них он провел в эмиграции. «Тридцать три — возраст для мужчин, живущих спокойной жизнью, иногда даже не возраст зрелости. Особенно в наше время, когда во многих развитых странах социологи отмечают тенденцию к «затянувшемуся инфантилизму». В нашей стране время сжимается, о нем невозможно рассказывать неторопливо, а так хотелось бы... В каждом дне столько событий, за день можно прожить целую жизнь, поэтому у нас взрослеют быстро. И мне осталось всего два года до «средненикарагуанского», — *говорит Луис Энрике Мехиа Годой. Композитор. Поэт. Певец.*

— Меня долго мучила мысль о том, что я занимаюсь не главным — второстепенным. Хотел забросить гитару подальше, взять автомат и уйти к партизанам. Но руководители ФНОС [1] сказали: «Стрелять может каждый, и на место убитого бойца встанет новый. А ты нам нужен живой. Нам нужны твои песни. Необходимо организовать широкое движение солидарности за пределами страны. Вот и завоевывай эту солидарность песней. Считай себя партизаном с гитарой». Меня переправили в Коста-Рику. Но я часто пробираюсь домой, пою в деревнях, в партизанских отрядах. Привожу записи новых песен, которые передает нелегальное повстанческое «Радио Сандино». Бывает ли мне страшно? Конечно. Но ведь вместе со мной рискуют еще тысячи и тысячи бойцов ФНОС. Рискует брат, тоже поэт и композитор. Рискует наша мать, уже хотя бы потому, что она мать сандинистов. И когда я думаю о них, я забываю о страхе. Я сознаю, что только песней мир не переделаешь. Но ни одна Революция не обходилась без Песни.

Он выполнял задание ФНОС на митингах солидарности с Никарагуа в Испании и США, в ГДР и Чехословакии, в Дании и Швеции. Он объездил почти все

---

[1] *Куатро — струнный щипковый инструмент. — Примеч. ред.*

[1] *ФНОС — основанный в 1961 году Фронт национального освобождения имени Сандино, названный так в честь выдающегося борца за независимость Никарагуа, возглавившего в 1927 году борьбу против американских войск, оккупировавших тогда страну. В 1934 году Сандино был убит Анастасио Сомосой, отцом нынешнего диктатора Никарагуа. — Примеч. ред.*

страны Латинской Америки, в некоторых из них был нелегально.

Там, за холмами, разгорается рассвет,
Который потушить никто не в силах.
Крестьянская котомка, ты пуста,
И ты устала от подачек.
Мой брат, ты слышишь этот зов?
Ведь это крик самой земли.
Латинская Америка тебя зовет:
«Брат, брат мой, где же ты?
Все тюрьмы нашей кровью залиты,
В домах бедняцких нет ни крошки хлеба,
Взгляни на лица наших женщин —
Тоска и одиночество на них,
У них нет даже сил, чтобы кричать и плакать.
И потому услышь ты этот зов своей земли
И поднимайся на борьбу!»

Мы разговаривали с ним в Гаване, во время XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

— У Сомосы-папы была любимая шутка: «Наше правление основано на трех «п»: для друзей — подачка, для врагов — пуля, для всех прочих — палка». А любимая шутка Сомосы-сына: «Демократия — это когда каждый может думать, как ему хочется, если он думает так же, как я». Веселая семейка, не правда ли? Для политзаключенных нынешний диктатор придумал такую остроумную пытку: им надевают на голову светонепроницаемые капюшоны и не снимают их по нескольку месяцев. Многие не выдерживают, сходят с ума. Диктатор вообще чрезвычайно изощрен по части пыток и репрессий. Школа у него была хорошая, семейная школа... А наша задача — задача никарагуанских деятелей культуры — поддерживать наш народ в его стремлении к свету и правде. По всей стране молодые артисты, художники, певцы, поэты создают небольшие, очень подвижные творческие группы — подвижные в самом прямом смысле, потому что часто приходится сниматься с места и удирать от полиции. Эти группы ставят своей целью просвещение народа, они несут нашу национальную культуру в массы. Ведь и радио и телевидение в Никарагуа буквально забиты программами, сделанными в США. Это тоже средство оболванивания народа: так у него отнимают его собственную культуру. А эти группы, их называют «градас», играют спектакли, устраивают концерты на улицах, на площадках перед домами. Некоторое время и я работал в одной из таких групп. Нелегально, разумеется. Полиция охотилась за нами, несколько раз мы спаслись просто чудом. Но потом самые юные наши зрители — мальчишки — взяли на себя охрану артистов. И когда мы пели, то вокруг, в радиусе нескольких кварталов от нашей импровизированной «сцены» стояли посты мальчишек, которые предупреждали нас об опасности. Бывало так, что прибегали их связные и говорили: «Вы успеете спеть еще пару песен, они в четырех кварталах отсюда». И мы продолжали петь, с благодарностью думая о тех, кто дал нам возможность выступать на пять минут дольше.

Мы вот с вами говорили о взрослении. А наши мальчишки... Это не только будущее страны. Без них наш сегодняшний день невозможен. Мы бы просто не выжили без них. Именно мальчишки поддерживают связь между партизанами и городом, рискуя подчас гораздо больше взрослых. Именно мальчишки доставляют партизанам патроны, именно они переправляют в окруженные отряды продовольствие, по крохам собранное их матерями. И я много пою о них.

Когда ты возмужаешь, мальчик мой,
Увидишь ты, что память прошлых всех невзгод
хранить не будет.
Они тебе покажутся лишь сном.
Когда ты возмужаешь, мальчик мой,
Земля не сразу станет раем или садом.
Но постепенно в руках детей распустятся
цветы,
Казармы превратятся в школы,
И солнцем станет для тебя любовь.
Но это все придет, когда ты возмужаешь,
мальчик мой.

— Сейчас я живу в Коста-Рике. Тяжело, конечно, быть вне родины в этот трудный для ее лучших людей час. Но свое изгнание я тоже рассматриваю как школу, школу пролетарского интернационализма. Для меня «пролетарский интернационализм» — не слова из учебника. Это моя жизнь. Мой идеал — Эрнесто Че Гевара. Аргентинец по рождению, он вместе с Фиделем стал одним из организаторов кубинской революции, а затем возглавил партизанское движение в Боливии и погиб от пули карателей. Я никарагуанец по национальности, но я вступил в Авангард молодежи Коста-Рики — коммунистическую организацию — с тем, чтобы и здесь участвовать в каждодневной борьбе. Потому что дело, о котором я пою, у нас, коммунистов всех стран, общее. И мой дом — это вся моя Латинская Америка.

Пришел я к моему народу-брату
Гонцом народа, который подавляют.
И понял вдруг, что не был никогда привязан
Лишь к собственным корням.
Пришел я к моему народу-брату,
Неся ему, как дань, свою гитару в ранах.
Пришел я к моему народу-брату
И понял, что не оторвался я от своего народа.
Когда увидел здесь все те же семена,
Посеянные рано на рассвете
И на его и на моей земле.

— Я помню слова Че Гевары из последнего письма, обращенного к детям: «Будьте всегда способны почувствовать любую несправедливость, совершенную где бы то ни было в мире!» Я пою об этом.

Слова Луиса Энрике Мехиа Годоя «... Я вышел из дома на рассвете...», с которых мы начали рассказ о нем, были напечатаны на конверте его пластинки «Свобода на каждой улице». Там он еще писал:

«...новые певцы встали на место убитых, взяв в руки гитару и автомат, чтобы пядь за пядью отвоевывать будущее, стараясь пролить как можно меньше крови...

НИКАРАГУА... Свободу необходимо отвоевывать на каждой улице. Вон там, на баррикаде, стоит паренек в рваных штанах, с красно-черной[1] песней на губах. Здесь, на баррикадах, вас встретят спокойной и гордой улыбкой Венансия и Хуана, и Роса Эрнандес, и тысячи других бойцов армии Сандино, состоящей из мужчин и женщин, из босоногих детей.

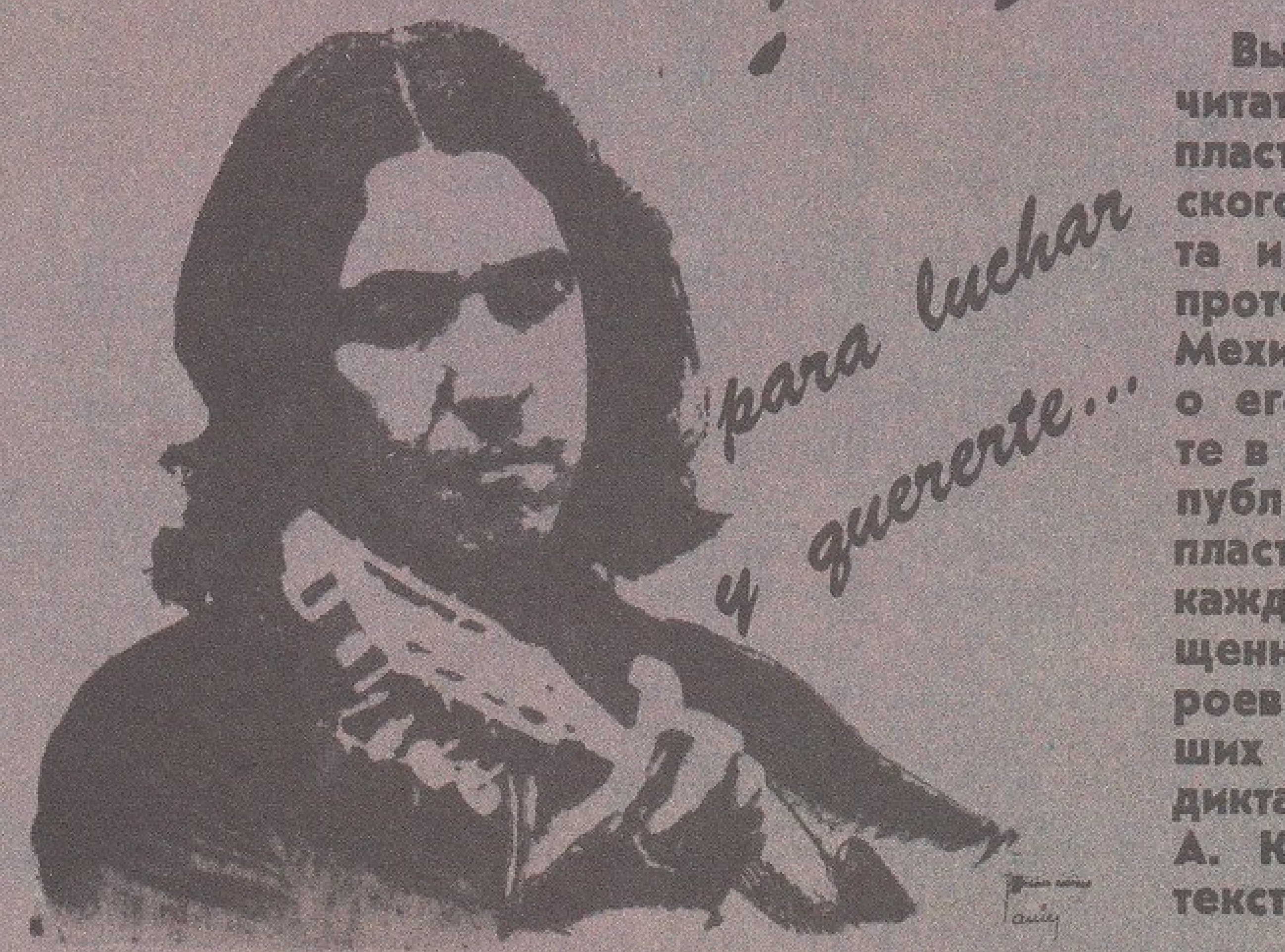
Сегодня, здесь певцы сражаются за свободу и честь своей страны».

Певец не должен быть звездой,
Ведь он ведет борьбу!
Когда его гитара плачет иль смеется,
Нет, не о славе звездной должен думать он.
Идет он от жилья к жилью,
Идет и днем и ночью,
Чтоб людям рассказать о крике,
Который наполняет глотку, сердце.
Певец не должен замыкаться лишь в отчизне.
Почувствовать себя он должен сыном всей
земли,
Тогда и боль его гитары
Услышат люди всех Америк.

И. ГУЩЕВА

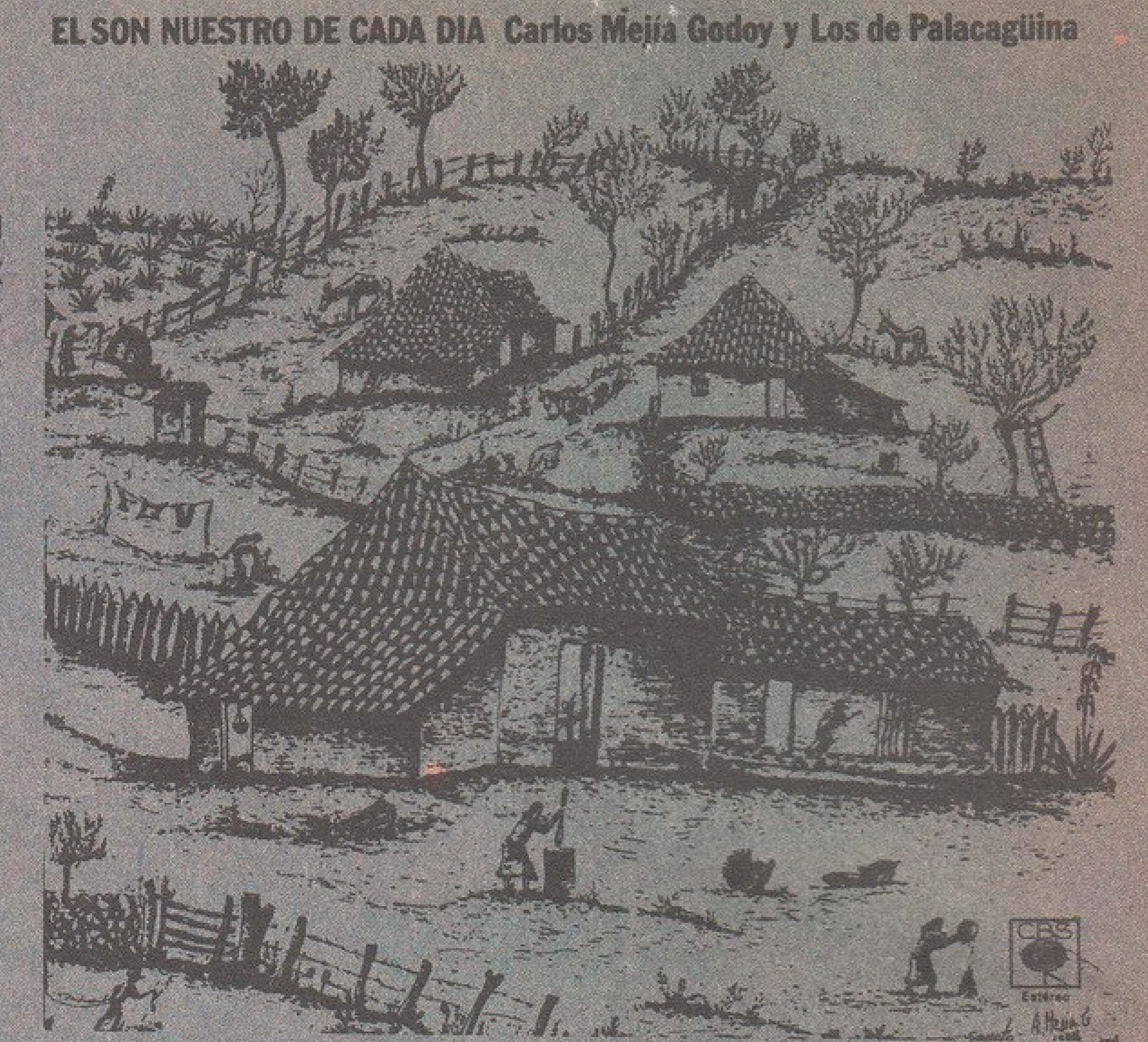
---

[1] *Красный и черный — цвета знамени ФНОС. — Примеч. ред.*

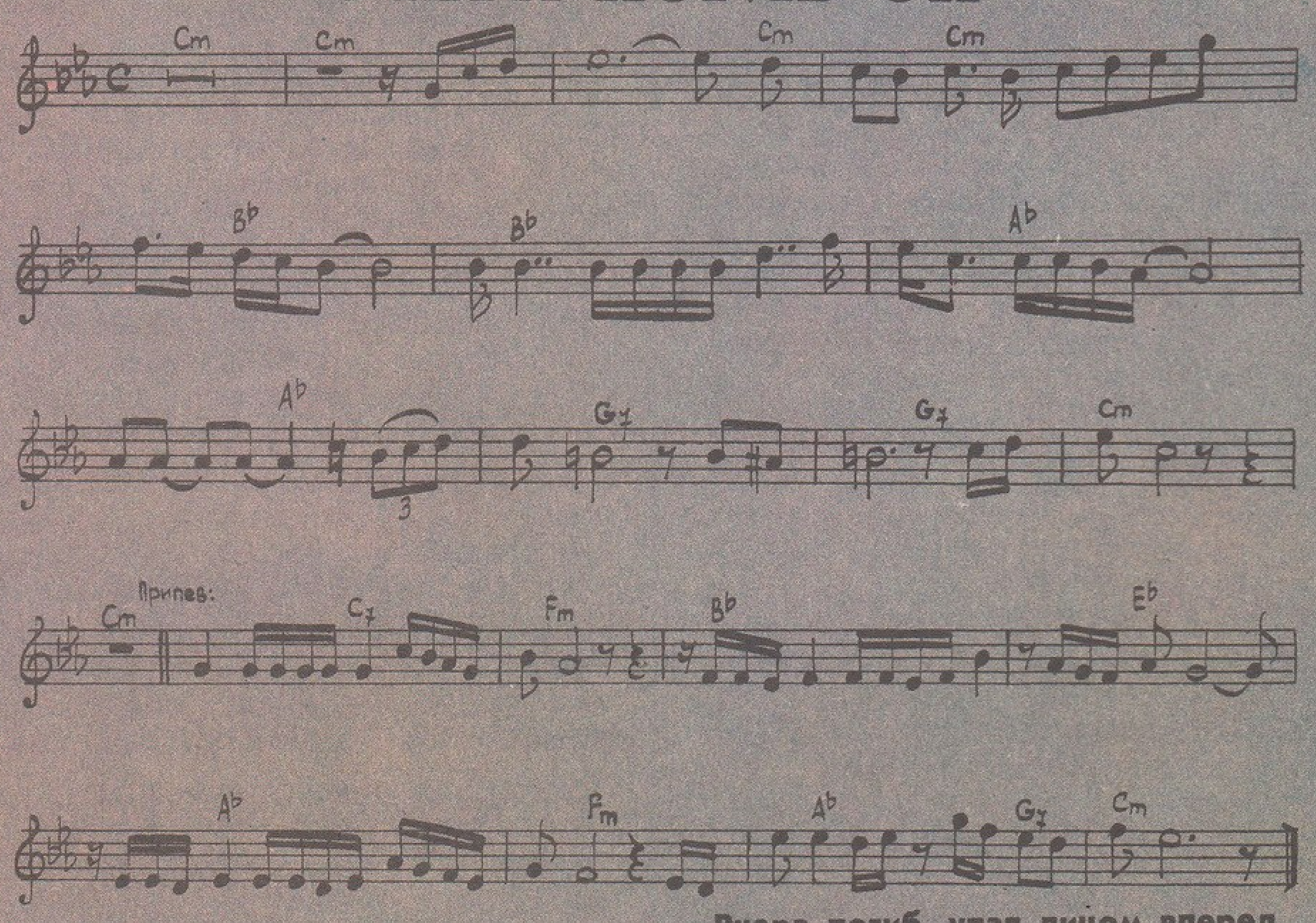

38а-18

Вы видите, дорогой читатель, конверты двух пластинок никарагуанского композитора, поэта и исполнителя песен протеста Луиса Энрике Мехиа Годоя. Материал о его творчестве читайте в номере, а здесь мы публикуем его песню с пластинки «Свобода на каждой улице», посвященную одному из героев-сандинистов, павших в борьбе против диктатуры. Аранжировка А. Клевицкого, русский текст А. Хвостова.

ВЧЕРА ПОГИБ ОН

Ayer se fue
Cargada de futuro su mirada
Ayer se fue
Oliendo a madrugada su mochila
Ayer se fue
No era muerte la que llamaba
Era la patria, era la vida.
Ayer se fue
Me dijo que cuidara a su hija
Ayer se fue
Su mano se agitó como bandera
Ayer se fue
Llevaba el corazòn de pueblo en lucha
De las Segovias, de Chinandega.
Llevaba el sol en cada poro
de su piel golpeada
Y todo el amor que se acumula
en la palabra Patria
La libertad hay que salir
o consequirla en cada calle
De Monimbo, Leon, Estelí y Masaya
Nunca podremos escribir en nuestra
historia tanta muerte
De los que ayer se fueron como vos
y no volvieron
Pero ha crecido en los caminos
el llanto de los pueblos
El roji-negro canto de los guerrilleros.
Ayer se fue.

Вчера погиб, упал лицом вперед,
Сжимая автомат, товарищ.
Нет, это не судьба, не рок
Отняли жизнь героя —
В ней родина нуждалась,
Как в дожде земля сухая.

Мой друг вчера погиб, и все-таки он с нами.
Слышим мы, как ветер говорит его словами.
Жизнь не уйдет, и песня никогда не прервется,
Если боль всего народа в ней отзовется.

Таких, как он, не надо убеждать
Идти на смертный бой, оставив дом.
Ночь не прошла пока
И борется отчаянно
С неотвратимым днем.
Мы его долго ждем.

Чтоб подвиг описать, слов, увы, не хватит —
Ведь партизан за будущее кровью платит.
Героев кровь брызнула огнем, флаг оросила,
Съежилась черная тень, отступила.

Индекс 70781
Цена 25 коп.